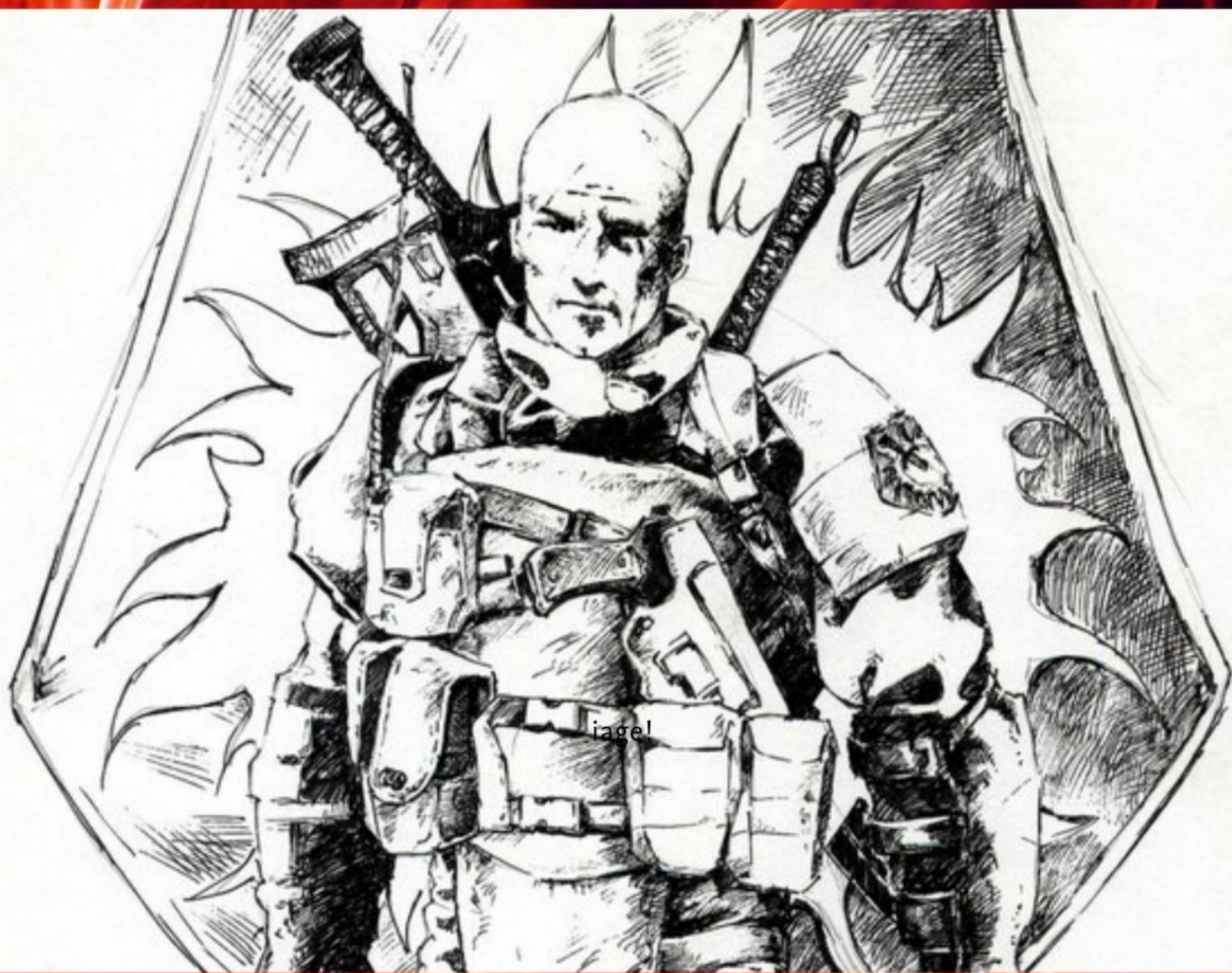

МАНАСЫПОВ

ЧИСТИЛЬЩИКИ ПУСТОШЕЙ

16+

Дмитрий Манасыпов

Чистильщики пустошей-1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Манасыпов Д.

Чистильщики пустошей-1 / Д. Манасыпов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Полночная война не уничтожила Российскую Империю, Северо-Американские Штаты, Эмират и Европу. Просто отбросила их назад, сделав начало 22-го века бензиновым средневековьем - с солдатами Полуночи, воюющими против людей, с порождениями открывшейся некросферы, жрущими людей, с Высшими мутантами, порабащившими людей. И с отрядами чистильщиков, ведьмаков с пулеметами, борющихся за остатки человеческой цивилизации. И самих людей. Молодой боец Енот оказывается в самом сердце ежедневной новой последней войны за человечество.

Содержание

INTRO	5
Глава первая: город, Енот и чистильщики	9
Глава вторая: Кэп, Батя, разговоры и пиво	17
Глава третья: лагерь гостей, Медовая, черная кожа в обтяг и хорошее отношение	29
Глава четвертая: странности, а также Мерлин, Варяг и другие	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

INTRO

Фонарщик Сивый неторопливо шел по Второй улице. Осень в этом году подобралась к городу намного раньше, чем обычно. Ночью резко понижалась температура, и изо рта небольшими клубами постоянно вырывался пар. Было холодно и неудобно, слегка моросило. А ведь днем жарило иногда так, что куда как некоторым летним дням...

Сбитые каблуки старых башмаков постоянно задевали за выбоины и становящиеся все более широкими трещины асфальта. На спину давила фляга с маслом, пригибая к земле. Прокуренные пальцы крепко сжимали отполированную деревяшку шеста, с помощью которого Сивый вот уже несколько лет зажигал огни в своем районе. Иногда он глубоко закашливался, сотрясаясь всем телом, и тогда к пару добавлялись вылетающие из легких маленькие капли крови. В такие мгновения Сивый останавливался, прислоняясь к ближайшей обшарпанной стене, шумно дышал и вытирал холодный пот, градом катившийся по лбу.

Туберкулез скоро доконает его, это фонарщик знал точно. Если раньше, конечно, не случится чего похуже. А при такой работе ожидать можно чего угодно. В последнее время, по ночам, улицы города не то место, в котором стоит не опасаться за свою жизнь. Это знали все его обитатели и старались лишний раз не высовываться из домов после последнего удара колокола. Хотя это спасало далеко не всегда, ох не всегда...

Сивый сплюнул под ноги густой и вязкой от табака слюной. Будь он моложе и здоровее, так давно бы ушел куда-нибудь на Запад, нанявшись в один из наемных отрядов. Там хоть не так страшно помирать. Уж что-то, а это он знал не понаслышке. Если бы не то ранение, после которого доктора еле смогли спасти ему жизнь, то разве стал бы фонарщиком в этом занюханном городишке, да еще и у самого Фронттира? То-то и оно, что хоть завали его золотом, так не согласился бы. А тут умудрился еще и чахотку подхватить. Старость не радость, что и говорить.

Сивый остановился возле очередного металлического столба, увенчанного стеклянным граненым грибок. Крючком на шесте откинул в сторону окошко. Поджег паклю на его конце и поднес к фитилю. Тот затрещал, брызгаясь искрами, чуть зачал, но вспыхнул. Пламя заметалось из стороны в сторону, становясь то больше, то меньше, но выровнялось и разгорелось, наконец, ярко-желтым. Фонарщик облегченно вздохнул, поправил легкую, оставшуюся еще от старых времен, драгоценную раскладную лестницу. Лезть вверх ему вообще не хотелось. Да и опасно это по нынешним-то временам, торчать на ней над землей. Впереди, там, где улица погружена в темноту, раздались какие-то звуки. Сивый чуть дернулся, рука метнулась в карман затертого пальто, стиснув в ладони револьвер. Он замер, совсем по-стариковски вытянув вперед худую шею и медленно отступая назад.

Жужжание приближалось, становясь все более узнаваемым. Из-за угла старой двухэтажки выбился на асфальт скромный луч света. С приближением странных звуков он становился все более широким и ярким. Фонарщик еле слышно и очень облегченно вздохнул. Он понял, что его так напугало. И виновата в этом только скардность администрации, экономящей даже на патрулях городской стражи. В отличие от рудничной, на содержание которой денег старались не жалеть. Оно, конечно, понятно. Шахты приносили те самые деньги, за счет которых город до сих пор жил. И охраняли их не в пример лучше, чем большинство городских кварталов. Городским патрульным на ночь выдавались механические фонари-жучки, которые работали от встроенной «динамки», приводимой в действие сжатием ладони. Шумели они не очень сильно, но ночью хватало и этого постоянного жужжания, чтобы заставить поволноваться тех, кто привык быть настроженным. И выдавали идущих по маршруту патрульных с головой. Как сейчас, например.

Луч света окончательно вырулил на улицу и запрыгал вперед, направляясь к нему. Три силуэта дружно топали в сторону Сивого. Большие и угловатые фигуры, и почему-то без обычно торчащих вверх или в сторону длинных стволов. В городе патрули ходили с магазинными винтовками, очень мощными и надежными, несмотря на старость. Правда, при всем при этом – тяжелыми, неудобными и медленно перезаряжающимися.

– Здравствуй, Сивый. – Держащий фонарь сипловатый мужчина перестал нажимать на динамо. Торчащие как у таракана усы воинственно топорщились. И фонарщик знал, что они густого медно-рыжего цвета.

– И тебе не хворать, Ред. А это что у вас, ребят, такое, а?

Фонарщик удивленно посмотрел на висевшие у патрульных поперек груди довольно короткие «машинки» из дерева и стали. Солидный деревянный приклад и ложе, все еще лакированные, ребристый кожух толстого ствола, рожковый магазин, торчавший вниз.

– Да вот, аж сам не верится... – Ред чуть смущенно улыбнулся. – Выдали вот. Пистолеты-пулеметы из закромов мэра, да... чтобы, значит, сподручнее было жителей города защищать. А то сам знаешь, чего здесь творится то.

– Да уж... – Фонарщик снова отхаркнул тягучую слюну. – Ишь, как всполошился наш головастый, благослови его отцы-великомученики до самых печенок. Как машинки?

– Ну, вроде ничего. – Патрульный почесал широкой пятерней в затылке. – Только у некоторых клинит затворы, значитца, вот.

– Клинит? Ну, это ни беда. Давай с утра зайду, мож чего подскажу. Пиво проставите старику, если помогу. Договорились, Ред?

– Договорились, Сивый. – Собеседник расплылся в улыбке, также, как и двое его напарников. Фонарщик тайны из прошлого не делал, и если бы не проблемы со здоровьем – быть ему давно в патруле. Раз уж сказал, что поможет, то, значит, сможет помочь с капризничавшей механикой. В Вольных отрядах, что воевали на всех последних войнах, техника и вооружение были подчас куда лучше, чем у некоторых маленьких армий. И обращаться с ними в отрядах учили на совесть.

– Ну ладно, потопали мы дальше. Следующий заход через полчаса, так что ты здесь давай уж поаккуратнее.

– За прошлую ночь вроде как все спокойно было? – Сивый с хрустом почесал щетину на подбородке. – Или просто все спрятать успели?

– Спокойно вроде было, тьфу-тьфу. – Ред быстренько сплюнул через плечо. – Бывай, Сивый, с утра ждем.

Он покачал головой, глядя на то, как они действительно... потопали дальше. Три крепких неуклюжих медведя. Хорошие ребята, даже странно для патрульных.

... Не без греха, конечно, но намного лучше, чем во всех больших городах, которые он посетил в своей прошлой жизни. То, что половина из них неумехи... так это точно. Для поддержания порядка сойдут, недаром же их отбирали по росту с массой, но не больше того. Все-речь биться не смогут, никто не учил. Оружие новое повесили так, как лоточники на себя свои разносы с пирожками натягивают. Случится что – сразу и не смогут ничего сделать, в ремнях запутаются. Да что говорить, городская стража, это не пограничники, которым постоянно приходится стрелять или резаться с противником. Да еще с каким, ага...

Сивый двинулся дальше, стараясь хоть немного ускориться. И совсем не замечая, как все это бормочет себе под нос ворчливым стариковским шепотом. Впереди у него еще полторы улицы, которые он не успел обойти до темноты. Врать самому себе было бесполезно, сам виноват. Нечего было торчать в кабаке у Йода, давясь дешевым и кислым привозным пивом. Просто разболелся когда-то в дребезги разможенный сустав, который ему тогда по крупницам собрал отрядный хирург. И именно он, вместе с теми пятью дырками, что наделали в нем гвардейцы Альянса, привел к тому, что сейчас есть. Эхех, старость не радость...

Фонарщик, ворча и вороша былое, добрался до того самого угла, откуда вынырнул патруль. Поджег первый из двух фонарей, что торчали здесь. Постоял-подумал и подпалил фитиль и у второго. Тот задергался, задрожал, но, в конце концов, разгорелся. Это очень хорошо, потому что на последнем отрезке у него оставалось всего десять штук. И все совсем недавно собственноручно заправлены маслом под завязку, и шнуры в них новые. А значит – проблем с ними быть не должно.

И на сегодня практически все и можно спокойно дожидаться возвращения стражи и вернуться с ними. Наверняка ребята Реда помогут с лестницей, что тоже неплохо. Добраться бы до своей маленькой квартирki, что под самой крышей добротного каменного дома Йода, залезть под клетчатое шерстяное одеяло. И намазать бедро той мазью, что сделал аптекарский подмастерье в «Линдвурме» на прошлой неделе. Тогда его как раз прихватило, да так, что даже встать на ногу было больно. А после мази – как рукой сняло. Хорошая аптека, хоть и называется глупо и непонятно. Сивый кривовато улыбнулся, поймав себя на постоянно возникающих мыслях о том, что он неумолимо стареет. И глаза даже стали хуже видеть. Вон, между домами, еще вчера свет фонарей давал возможность увидеть раскрошившиеся кирпичи, а сейчас только тень. Тень?!!

Сивый рванул с плеча драгоценную лесенку, метнув ее в сторону темного пятна, ринувшегося к нему. Она ударилась обо что-то мягкое и тут же полетела в сторону, отброшенная мощным ударом. А за первым пятном выскочило еще два, бросившихся в сторону фонарщика.

«Врешь, сука, не возьмешь!!!» – Сивый оскалился как загнанный в угол старый, но еще крепкий дворовый пес. Одним рывком выхватил револьвер, взвел курок, рванул пальцем спуск. Мощное оружие не подвело, и первая тень, уже подобравшаяся почти вплотную, с ревом ушла в сторону, покатила по земле.

Второй и третий выстрелы тоже легли хорошо, успев отбросить следующую, пригнувшуюся к земле длиннорукую фигуру. Последняя тень метнулась в сторону и сразу обратно, хитрым зигзагом мешая ему прицеливаться. Он отступал, боясь потерять ее из вида. Видел, что подстреленные уже начали шевелиться. В голове лихорадочно билась мысль о том, что Ред с патрулем еще не должны были уйти далеко и должны успеть на выстрелы. Но последняя фигура метнулась совсем близко, так близко, что даже в слабом свете фонарей стали видны темные провалы глаз, бледную морщинистую кожу на морде, шрамы, повсюду испестрившие ее и бешеный оскал торчащих вперед частокором острых, покрытых блестящей слюной зубов.

Сивый не выдержал, и выпалил в нее оставшимися патронами. Чуть зажмурился, когда в лицо брызнуло горячим и липким. Трясущейся рукой выхватил из-за плеча длинный патрубок, по которому заливал масло в фонари. Мелькнула испуганная мыслишка про то, что мог забыть накачать воздуха в емкость, и ничего не выйдет. Но пальцы второй руки уже торопливо направили на поясе старую зажигалку с колесиком, чиркнули им, заставив маленький огонек затрепыхаться на ветру. Двое, что он подстрелил, покачиваясь и порывивая, уже шли к нему. Неуверенно, но неумолимо. Третья тварь не двигалась, раскинувшись на потрескавшемся асфальте. А Реда и парней не то, что не видно – их даже не было слышно. Фонарщик вскинул длинную металлическую трубку вперед, быстро открутил краник подачи жидкости и поднес зажигалку к соплу.

Тьма озарилась буйным рыжим светом бьющего из трубки горящего масла. Твари отшатнулись. Сивый успел разглядеть первого: сутулая костлявая тварь, еще одетая в остатки полу-сгнившей рабочей робы, длинные лапы с суставчатыми пальцами, украшенными когтями. Лицо, которое показалось почему-то знакомым, лицо, ставшее страшной мордой подземного хищника. Сердце в груди забилося еще быстрее, хотя, казалось бы – куда быстрее? Ох, и не ввали старики-старатели, говоря про Подземное лихо, ох не ввали.

Он шагнул вперед, стеганув огненной плетью ту самую тварь, в которой заметил что-то знакомое. Та истошно завизжала, превратившись в движущийся факел. Вторая метнулась

в сторону, уходя от поражения импровизированного огнемета. Это было плохо, потому что и масло в металлической фляге может загореться. Да и воздух, который он в нее дома накачивал ручным насосом, скоро должен закончиться. И тогда все – конечный конец.

Сивый торопливо сделал еще шаг, стараясь уловить тот момент, в который можно поймать этого ночного охотника. Ему было очень страшно, но старик, еще три года назад бывший крепким и совсем еще молодым мужчиной, хотел достать тварь. Это бой, его, возможно, последний бой. И он не собирался его проиграть. А значит – вперед Вольный боец, вперед!!! Ты один на один с врагом и помощи нет! «Одни против всех» – вышито на знамени каждого из отрядов, и этот девиз Сивый запомнил навсегда.

Правый бок и руку обожгло горячим, но сначала фонарщик даже не понял случившегося. Перестал бить факел, тварь дернулась к нему, целая и невредимая. Правой рукой он хотел достать с поясных ножен старый верный тесак, но руки не был. Из плеча прямо ему в лицо с удивленно выпученными глазами ударило несколько струек крови, и все. А потом Сивого снесло в сторону мощным ударом, шмякнуло о потрескавшуюся стену и выбило, казалось, дух.

Он проморгал других, зашедших со спины, совсем забыл про тыл... и сейчас уже угасающим взглядом видел их, брезгливо отшвырнувших в сторону оторванную трубку со шлангом, жадно принимающих к запаху крови. Твари подходили все ближе настороженно и опасно. Сивый видел их странно выгнутые в коленях ноги, жадно вбирающие воздух широко вывернутые ноздри и нетерпеливо подергивающиеся узкие губы, за которыми прятались частоклы зубов. Наверное, что именно перед смертью и в почти полной тьме можно вот так четко видеть то, что убьет тебя. Наверное... а ему хотелось провалиться в забытие, очень хотелось. А вместо этого – пришла только страшная боль...

Когда задержавшийся в подвальном кабачке группа Реда добралась до переулка, то один из патрульных, не выдержав, ушел в дальний угол переулка. Там его долго и мучительно трясло от рвоты. Ред, всхлипнув, присел на корточки рядом с тем, что осталось от неплохого парня, которого все знали как Сивого, и никогда не задумывались над тем – как же его зовут на самом деле? Посмотрел на два тела, лежащих рядом: одно с разможенной головой и второе, почти полностью обугленное, и заплакал. От чего? Может от стыда, а может от страха. Кто же знает?

Глава первая: город, Енот и чистильщики

«...И есть люди, стадо пастыря Небесного
А среди них есть Воины, стоящие наособицу.
Но если кто изрекет: бо возвышаются они над людьми,
То тот да неправ будет, ибо и Воины есть люди,
Но стоящие особо. И не каждый с оружием – есть Воин»
Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Енот маялся в карауле, стоя на вышке у городских ворот. Именно маялся, потому что ненавидел торчать здесь, на верхотуре, продуваемой со всех сторон. Если на любом другом из постов ему было относительно неплохо и уютно, то здесь он изнывал каждую минуту. Да что там – каждую секунду. Ну, скажите, пожалуйста, неужели пограничники пропустят кого к городу, и не предупредят? Так что за смысл торчать на этой треклятой вышке, а... Когда на соседней еще один караульный? Другое дело, что в его смену там неизменно был Рыжий, который сразу засыпал, и которого никто за это не дергал. Ну, конечно, по сроку службы положено. А ему теперь и не вздумай присесть на давно продавленную седушку, что стояла на какой-то пластиковой емкости в углу насеста. Не приведи Мэдмакс, господин старший капрал Штырь увидят это отклонение от устава гарнизонной службы. Тогда пиши-пропало, наряды обеспечены. Эх, гребаная жизнь!

Никто не заставлял идти и наниматься на службу в патруль, ведь так? Ну да, никто не заставлял, кроме нужды и пятерых младших, сидевших на мамкиной шее. Енот тоскливо вздохнул. Подумал еще немного про них и вздохнул еще сильнее. Громко, протяжно и надрывно, с всхлипом, что пробился наружу. Разом вспотевшие ладони вцепились в дерево цевья винтовки, заходившей в них ходуном. Парень скрипнул зубами, заставляя себя не плакать, возвращаясь в тот, оставшийся позади летний день. Всего три месяца назад, всего три месяца...

За холмом у поворота дороги что-то заворчал. И еще, и еще. Не веря собственному слуху Енот схватил старый потерханный бинокль, висевший на кожаном ремешке, зацепленным за вбитый в бортик гвоздь. Поднес к глазам, пытаясь понять то, что только что услышал. Тяжеловозы с углем обычно проходили торговым трактом, не заезжая в город. Фермеры пользовались тягловым транспортом, отправляясь на рынок. Редко-редко, стараясь экономить драгоценное топливо, пригоняли на тракторах громадные телеги с урожаем. Но это должно было случиться только через месяц. Пограничники всегда извещали о собственном приезде, и каждый караульный знал про это. И тогда оставалось только несколько вариантов.

При самом лучшем – неожиданные визитеры из метрополии. В таких случаях всегда начиналась бешеная суета и растерянность, с последующими раздачами звездюлей различным стрелочникам, попавшим под горячую руку мэра и его заместителей. Караульные в них тоже, бывало, попадали. Как будто заори на пару секунд раньше в эбонитовую трубку телефонного переносного аппарата про «ленточку», едущую по тракту, что-то бы изменилось, ага.

При среднем по паршивости исходе – просто торговый караван, или переселенцы. Караван торговцев мог сулить как нечаянный барыш, так и серьезное наказание за пропущенные грузы из списка запрещенных. Переселенцев же вообще стояло опасаться. Неприятностей они обычно притаскивали целую кучу. От обычных при долгом путешествии вшей до серьезных заболеваний и инфекций. Самыми лучшими из них были триппер или педикулез, если при караване обретался переездной бордель.

Ну а самым поганым вариантом из всех возможных, несомненно, случались либо мародеры, собравшиеся в большую банду, либо... либо Вольные отряды, что почти тоже самое. Во всяком случае, в последнее время. Как говорили, этих наемников потихоньку начали сжи-

вать со свету становящиеся все большими новые государства. Так что, мародеры ли, или наемники... как известно всем – хрен редьки не слаще. Ну, или что в лоб, что... понятно, короче.

Енот торопливо навел поцарапанные окуляры на поворот, схватив свободной ладонью красный рычаг ревуна. Костяшки побелели от усилия, вложенного в моментальную готовность дернуть его вниз, оглашая всю площадь у ворот сиреной. Лучше уж дернуть, чем валяться потом с пробитой пулей головой. Это точно. Бинобль чуть тряся, не давая возможности увидеть хоть что-то. Рыжий, дрыхнувший на соседней вышке не пошевелился, не смотря на то, что рокот из-за холма доносился серьезный. Енот подумал и поднял трубку телефона, нажал на кнопку вызова. Гудок пошел, через пару секунд динамик ожил недовольным голосом господина старшего капрала:

– Ты чего, очумел там от безделья? Сортир давно не чистил?

– Штырь...

– Чего?! Какой я те Штырь, хорек ты драный!

– Тут за холмом техника какая-то. Правда, господин старший капрал, я не вру.

– ...тебе не поглючило, Енот?

– Нет. Пока не вижу ничего, но слышал. Двигатели там ревели.

– Понял. – Голос Штыря, обычно ленивый и недовольный, стал жестким. Собранным. – Наблюдай. Караул, в ружье!!!

Последнее Енот услышал уже случайно, так как Штырь просто не успел положить трубку. Спустя секунд тридцать лестница заходила ходуном. Юркий и плотно сбитый капрал живо вскарабкался на вышку. Поднял собственный, совсем не старый монокуляр, прищурился, глядя в него, хмыкнул. Покосился на караульного, затихшего рядом, хмыкнул снова. Как показалось Еноту – с уважением.

– Рыжий, паскуда, дрыхнет?

– Угу. – Тот проглотил слюну, поняв, что только что сдал как бы своего напарника.

– Не переживай. – Желваки на скулах Штыря заходили ходуном. – Если что, а видно так и будет, лично ему морду разобью. Совсем зарвался. Не трогай ревуна, сам нажму, если понадобится. Опаньки, Енот, а вот и наши гости.

Капрал перегнулся через борт «наседа» вышки, рывкнул вниз, где немедленно забегали остальные караульные. Енот, не обращая на это внимания, прилип глазами к биноклю, понимая, что сейчас решается многое. Из-за холма, вздымая клубы пыли, вынырнула какая-то машина, рванулась к воротам.

Низки и угловатый, кажущийся смазанным корпус. Четыре моста с широкими колесами. Обтекаемая башня с торчащими из нее в небо двумя черными стволами. Енот пока слабо разбирался в оружии, но понял, что это как минимум пулеметы. И не такие как те старые развалины, что стояли по углам городской стены. Скорее, что как стоявшие у мэрии и здания патруля, длинные крупнокалиберные машины на треногах. Их холили и лелеяли оружейники, а начснаб всегда держал про запас боеприпасы для них. Очень старые и очень серьезные аппараты, которые стоили городу кучу денег. А раз на машине точно такие же, то что? А то, что люди там явно серьезные. Караульный тоскливо вздохнул, попытавшись представить те неприятности, что могут возникнуть у города.

Машина подкатила к мосту, перекинутому через ров. Остановилась, подняв кучу гравия и пыли. Асфальта, неумолимо разрушаемого временем, здесь уже почти не было. Енот, позабыв про опасность, во все глаза пялился на чудной агрегат. Действительно – с восемью широкими дисками рубчатых покрышек, корпусом, покрытым странной, неуловимой взглядом ассиметричной раскраской камуфляжа. Торчащие стволы были разными по внешнему виду, но внушали сильное уважение. Сейчас они неожиданно дрогнули, чуть опустились, развернувшись в сторону ворот. Откуда-то сбоку этого механического монстра с металлическим лязгом откинулся люк, развалившийся на две части. Одна половина поднялась наверх, вторая упала

подножкой на землю. Енот, покосившись на капрала, понял, что тот тоже напряжен и ждет того, кто должен появиться из машины.

В придорожную пыль аккуратно опустился, сверкая нестерпимым блеском, ботинок с высокой шнуровкой. Тут же две руки, появившиеся следом, вытолкнули наружу владельца прекрасной обуви. Енот и Штырь дружно и разочарованно выдохнули. Пассажир агрегата оказался невысок, довольно шупл и не выглядел страшным чудовищем, которыми представлялись солдаты Вольных отрядов.

Свободная куртка-штормовка с капюшоном, из грубой материи типа брезента, утянутая в талии шнурами. Такого же, как и куртка, светло-зеленого цвета, брюки, заправленные в те самые, начищенные до состояния зеркала, ботинки. Лицо, весьма немолодое, с седой щетиной по впалым щекам. Крючковатый и хищный, с горбинкой, нос. Правда взгляд из-под нахмуренных бровей даже в бинокль казался пристально-оценивающим и опасным. А из оружия в глаза бросался лишь пистолет в набедренной кобуре. Зато размеры его, пистолета, были просто монструозно большими.

Человек внимательно пробежался глазами по стене, когда-то давно сложенной из солидных блоков армированного бетона. На ров, растянутые стальные плети «колючки» и матовые плоские нити «мясорезки», две караульные вышки у ворот. Сами ворота, высокие и добротные, из аккуратно подогнанных друг к другу стальных плит. Грубо выглядевший по сравнению с ними треугольник кустарно сделанного барбакана, идущего поверху. Сейчас вход в город был уже закрыт товарищами Енота, которых вовремя заставил пошевелиться капрал. Мужчина чему-то легко улыбнулся и пошел вперед.

Штырь высунулся над бортиком, облокотившись на него. Быстро глянул влево-вправо, стараясь заметить хотя бы что-то подозрительное. Потом чуть перегнулся пониже:

– Кто такой?

Мужчина остановился. Поднял голову, глянув на капрала. Левая бровь чуть нахмурилась в отличие от правой, которая как-то по особенно издевательски приподнялась:

– Это у вас тут так здороваются?

– Чего? – Капрал начал ощутимо злиться. – Я говорю – ты кто такой?

Тот внизу глянул еще более саркастично:

– Я Капитан.

– Какой, за ногу тебя, капитан?

– Это уже следующий вопрос. А кто ты то такой, военный?

Штырь хмыкнул. То ли удивленно, то ли одобрительно, этого Енот так и не понял:

– Я капрал городской стражи. Так что имею право поинтересоваться, кто ты, и нахрена к нам приперся. За холмом сколько машин?

– Молодец капрал. – Мужчина наклонил голову набок. – Еще шесть. Только не стоит нас опасаться. Мы не воевать с вами приехали, а скорее наоборот.

– Это как так?

– Да вот так. Мне надо к вашему мэру, голове, бургомистру или как там еще. Может, впустишь? Броневику останется здесь. Я не гордый, пешком пройдусь.

Кaprал хохотнул:

– Так тебя наш мэр и ждет. Наверное, с самого утра сидит у окошка, глядит, не наглядится: и где там мой капитан, да? Ну, развеселил, честное слово, ну...

– Весело тебе? – Мужчина косо осклабился. – А ты позвони, скажи, чистильщики приехали. Главный – Капитан. Тогда вдвоем поржем. Ну, капрал, давай звони уже.

Штырь нахмурился, отошел от бортика. По телефону позвонил вниз, коротко бросил несколько фраз для своего помощника. Потом вернулся, и снова перегнулся вниз. Седой все также стоял на одном месте, только достал из металлического портсигара длинную коричневую сигарку и закурил, деловито попыхивая ею и окутываясь сизым дымком. Енот, про которого

капрал давно забыл, а мужик внизу вообще не обращал внимания, про себя подумал о том, что такая сигара наверняка совсем нехило стоит. Он видел такие на витрине лавки Фунта, славящейся своей дороговизной и недоступностью для большинства жителей. Фунт торговал в основном товарами, возимыми через моря, доставляемые через Мурман, или с дальнего Юга, и стоили они очень и очень недешево.

– Эй, капитан! – Капрал, судя по всему, решил основательно докопаться до незнакомца. Тот перестал вызывать стопроцентное опасение, а его бронированная машина стояла как памятник. Пулеметы не шевелились и никто больше из нее не выкарабкался. Так что Штырь, может и напрасно, но позволил себе немного расслабиться. – А что вы за чистильщики? Вон теми пылесосами, что из башни твоего тазика с болтами торчат, чего чистите то?

Капитан абсолютно невозмутимо пропустил мимо ушей явное оскорбление, и чуть помедлив, ответил капралу:

– Тараканов, мокриц, многоножек, к примеру. А у вас, скорее всего, займемся ночными хулиганами. Есть ведь здесь такие, которые по ночам спать вам не дают, да?

Штырь замолчал. Енот с удивлением посмотрел на него, застывшего столбом, с кадыком, лихорадочно ходившим вверх-вниз. Таким своего командира он ни разу не видел. Господин старший капрал был... испуган? Вот этим худым мужиком, дымившим своей выпендренной самокруткой?! Ну, дела... и тут до него потихоньку начало доходить.

Чистильщики, санитары, ассенизаторы поселений и пустошей чуть не погибшего и свихнувшегося мира. Люди, которые очищали города от мутантов и чудовищ, порожденных Полночной Войной. Те, про которых в кабаках, напоровшись, рассказывали сказки ветераны конфликтов, многое повидавшее на своем веку. Наемники, никогда не воевавшие против людей. Официально, во всяком случае. Исследователи заброшенных земель, таскавшие в города-государства, образовавшиеся после заключения Союза, разные диковины и технику. Из тех, что остались со времен, которые были ДО. Про них Еноту доводилось слышать. Ему, также, как и Штырю, стало ясно, что этого седого горлопана, стоявшего под стеной, наверняка и правда могут ждать в мэрии. Потому что, всего три месяца назад...

...Енот шел домой после окончания недели службы, рассчитывая на целых два дня выходных. В руках куча свертков из вощеной бумаги: кольцо деревенской колбасы, всученное на воротах (пожалела пожилая хуторянка молодого дохлого патрульного, а господин старший капрал своротил свой породистый нос в сторону, дескать много чеснока), с зеленью и яблоками, купленными на рынке (на первую зарплату в патруле, как же он ею гордился), с десятком яиц (настоящих, от собственных кур ефрейтора Чуба, проданных Еноту совсем по дешевке), с двумя свежими кирпичами хлеба (только из печи пекарни патруля). И отдельно несколько мятных пряников с изюмом для двух самых младших, близнецов. Поворот, дом старого коновала Горбача, хибара алкоголиков-дворников Рыжих и...

Группа Реда, выбитая дверь, свертки падают в пыль под ноги, но он этого не заметил. Медленно-медленно прошел вперед, люди расступились, пропуская. Глядели искоса, грустно и жалостливо. Енот зашел, пригнувшись под низкой притолокой, споткнулся обо что-то (деревянный конь близняшек), присмотрелся к дальнему углу, вытянув длинную шею. Мамина тонкая и бледная рука, темно-каштановые пряди, лежащие в засохшей луже. Потом... перед его глазами мелькнул потолок, и сгустилась темнота.

В одну ночь лишиться всех, как же это больно. Как же это страшно. Почему те, кто приходят ночью выбрали именно их дом, который всегда был таким крепким, почему дверь была выбита, но засов цел и стоял сбоку, прислоненный к стене? Кто знает, кто знает...

Он справился. Отплакал свое, переехал в казарму после быстрых огненных похорон шести закрытых гробов. И теперь стоял на вышке, пытаясь цепляться за то, что у него было, и надеясь когда-нибудь отомстить. Кому? Чему? Енот не знал. Было ясно только одно – тем,

кто приходит по ночам. И вот оно, сама судьба решила хотя бы заплатить тем, кто лишил его семьи...

Телефон затрещал, вызывая капрала. Штырь снял трубку, выслушал и приказал открыть калитку у ворот и заводить джип, стоявший возле караулки. Потом перегнулся вниз и, чуть замешкавшись, крикнул командиру чистильщиков:

– Заходите, я тоже спускаюсь. – Повернулся к Еноту. – Я уехал с ними, а ты тут смотри. В оба глаза смотри. Ждать-то их, конечно, ждут, но бдительности – не терять. Понял?

– Так точно, господин старший капрал. – Молодой стражник подтянулся, старательно поедая начальство глазами. – А можно вопрос?

– Потом. И, как сменишься, сходи в лавку. Выпишу записку, получишь бутылку казенной, за наблюдательность. Все, неси службу бодро, и ничем не отвлекаясь, солдат.

Капрал быстро скатился вниз, стараясь успеть раньше, чем седой. Не получилось. Когда Штырь оказался на утоптанной до каменной твердости земле внизу, Капитан уже стоял возле автомобиля. Загрохотав, ворота задвинулись назад. Коротко кивнув, начальник караула ткнул рукой на сиденье возле водителя, а сам запрыгнул сзади. Толстый и усатый Таракан, бывший за водителя, нажал на газ, и машина дернулась в сторону одной из основных городских улиц, ведущей как раз на площадь, к зданию мэрии. Штырь смотрел прямо перед собой, не забывая украдкой контролировать седого. Тот сидел спокойно и расслабленно, внимательно посматривая по сторонам.

Капитану было много лет. Не настолько, чтобы чувствовать себя развалиной, но ровно столько, чтобы волосы стали наполовину седыми. То, что оставшаяся половина головы также «соль с перцем», его виной не было. Виной были обстоятельства самой его жизни. Ему довелось увидеть и прочувствовать очень многое из того, что предлагал своим детям свихнувшийся мир, в котором они рождались. Но Кэп никогда не жаловался на это, так как это же его мир. Со всеми своими странностями, особенностями, страхами и маленькой долей хорошего и доброго. Во всяком случае, именно так он и считал, предпочитая не забивать себе голову ненужными рассуждениями и досужими домыслами. Капитан жил так, как ему выпало, и старался лишь так изменить собственную судьбу, чтобы она не была чересчур жесткой.

Сейчас машина, в которой он ехал, двигалась по улочкам города, где и у него и у ребят наклеивалась работа. Что еще нужно от жизни человеку, который умеет ее делать, как не возможность заработать? Да ничего больше, а команда Кэпа умела делать свою работу очень хорошо. Не зря именно их нашел здешний мэр после того, как жители города начали погибать все чаще и чаще. Ну а для того, чтобы уверенно заняться ею, нужно хорошо изучить те места, где придется заниматься делом.

Конечно, понятно и ясно, что все вокруг куда как внимательнее осмотрят специалисты отряда, но не мешает и самому оглядеться, Мало ли что можно заметить случайно и, казалось бы, невзначай? В том роде занятий, в котором действовал отряд Кэпа, мелочей не бывало. Пропущенные мелкие детали зачастую оплачивались кровью. К ней было не привыкать, вокруг постоянно лились целые потоки этой красной жидкости.

Но жизни его ребят стоили намного дороже, чем жизнь любого жителя этого, либо любого другого поселения. Для него-то, командовавшего отрядом последние десять лет, уж точно. Дороже тех мужчин и женщин, что ждали сейчас за городской стеной, у капитана нет никого. И потому, нужно думать и рассчитывать все действия, которые нужно будет применять здесь, где ночью жители тряслись от страха внутри своих домов и ни за что не выходили на улицы собственного города. Запах этого самого страха висел в воздухе. Скорее даже и не страха, а животного, не человеческого ужаса. Капитан смотрел по сторонам, и впитывал его в себя. Мало прохожих, и нет играющих детей. Совсем нет. И это днем.

А город не такой уж и маленький, каким пытался казаться со стороны. По неподтвержденным данным, что Кэп читал в отчетах аналитиков (а как их сейчас подтвердишь?), число жителей измерялось не одним десятком тысяч. Основная часть – шахтеры, работающие в угольных шахтах, в полудне пути отсюда, и их семьи.

Уголь, подземное сокровище, ставшее таким необходимым в годы после Войны. Топливо, не дающее остаткам человечества замерзнуть во время ставших такими холодными и длинными зим. Только за счет него, жирного и черного антрацита, все здесь жило и мало того, еще и дышало таким редким достатком. Количество замеченных Кэпом продуктовых лавок, находящихся на первых этажах невысоких домов, уже перевалило за пять. Во многих из виденных им городков их и было-то всего по пять. Не говоря про то, что он увидел целых два магазина готового платья, несколько сапожных мастерских (что очень хорошо, так как обувь у отряда изрядно истрепалась), и три станции технического обслуживания. В общем – явно небедные здесь жители.

Джип, пофыркивая уставшим от времени карбюратором, катился вперед по вполне хорошему асфальту, который хоть и был весь в трещинах, тем не менее, находился в очень приличном состоянии. Усатый водитель аккуратно объехал фермерскую повозку, запряженную двумя очень старыми робомулами, что еще больше поразило капитана. Этих механизмов, пользующихся зарядом солнечных батарей, отряду встречалось все меньше и меньше. Раз эти два киборга, с порывшей и изношенной искусственной шкурой, так бодро двигались по улице, то, значит, отыщутся в городе и умельцы, что могут ремонтировать сложную технику и электронику.

– Капрал? – Кэп повернулся в сторону недовольно нахохлившегося сзади служивого. – А много у вас такой животины, как вон те, что в повозку запряжены?

– Хватает. – Капрал покосился на него. – А что?

– Сложная техника, обслуживания требует серьезного. Им лет то по сколько уже?

– Да хрен его знает... – Штырь почесал в затылке. – Не знаю.

– Всяко больше, чем тебе. – Усач-водитель сплюнул через дверцу. – Это косоного Крота повозка. Они еще у его отца были, это точно. А ремонтирует их Гайка, как раз из ее мастерской косоной их вел, наверное. Все, капрал, приехали. Мне вас ждать?

– Ждать. – Капрал спрыгнул с борта. – Пойдемте, Капитан, или как вас там.

Кэп внимательно посмотрел на него, пытаясь понять – стоит ли осадить этого пентюха основательно прямо сейчас, или нет? Подумал, и решил оставить эту, нехитрую, в общем-то задачу, на потом. Смысла в том, чтобы поставить на место зарвавшегося городского патрульного он не видел. Да и мало ли, вполне возможно, что придется с ним дальше работать. А капрал, при внимательном рассмотрении, внушал ему некоторое уважение, как бы странно это не звучало.

Здание мэрии... впечатляло, больше никак и не скажешь. Бросалось в глаза, что когда-то давно, еще в той, прекрасной жизни, оно предназначалось для чего-то важного. Во всяком случае, очень редко отряду Кэпа попадались здания с колоннами. А здесь они присутствовали, да и еще какие. Гладкие и ровные цилиндры, выполненные из чего-то, весьма похожего на мрамор. Конечно, здание претерпело некоторые изменения, но куда от них сейчас деться?

Перед самым фронтоном, на возвышении со ступенями, стояли абсолютно чуждые его красоте бетонные блоки, аккуратно наложенные друг на друга. С солидными перекрытиями из плит, поддерживаемых толстыми стальными трубами. Из узких бойниц на площадь торчали раструбы крупнокалиберных пулеметов. На глаз капитан определил, что это грамотные перегородки старых танковых, калибра двенадцать и семь миллиметров. За мешками, уложенными по периметру крыльца, прохаживались двое часовых, вооруженных пистолетами-пулеметами.

«А здешний градоначальник-то, – подумалось Кэпу, – очень боится за собственную шкуру». И это наводило на некоторые мысли. В частности на то, что положение у города все-

таки не такое стабильное, как оно представлялось раньше. Так сильно охраняемую администрацию ему доводилось видеть лишь в похожих городах нефтяников и газовиков. Тех постоянно пытались подмять под себя более несчастливые соседи. А здесь? Ведь военную помощь шахтерам оказывает альянс «Звезда», с которыми мало кто не побоится связаться в зоне Фронттира. Раз так, то, значит, бояться тех, ради кого вызвали чистильщиков. И от этой мысли Кэпу поневоле стало невесело.

Капрал уверенно миновал пост на входе, и прошел дальше, в сторону большого стола, за которым сидел длинноногий индивидуум в странно смотревшейся здесь шляпе «стетсон» на голове.

– Командир, вот этот человек, которого ждет мэр. – Штырь щелкнул каблуками, застыв по стойке «смирно».

Индивидуум приподнял край шляпы, посмотрев на капитана невыразительными, чуть навывкате, блекло-голубыми глазами. Пальцем подправил загнутый и тонкий ус справа, легко поднялся с кресла:

– Майор Гриф, командир городского патруля. С кем имею честь?

– Капитан. – Кэп внимательно рассмотрел главного местного военного, торчащим над ним сухопарой длинной жердью, перевитой кожаными ремнями и увешанной, как елка, оружием и подсумками. – Можно просто Кэп. Не обижусь, да так и проще будет. Вы проводите меня к мэру, майор?

– Конечно. Вашим людям что-то нужно? – Гриф достал из нагрудного кармана монокль на цепочке, поразив капитана, решившего не удивляться некоторой эксцентричности этого клоуна, до глубины души. – Пока мы будем у господина Бати, то к вам могут доставить любые необходимые вам вещи, продукты, топливо и снаряжение.

– Кхм, спасибо, конечно. А не рано? Мы еще ни до чего не договорились. Вещи у нас с собой, продукты еще не закончились. Что касается топлива, то его вид и объемы нужно будет прояснить после достижения договоренностей с мэром. Это же касается и снаряжения. Но благодарю, господин Гриф. Наверное, нам стоит уже пройти к администрации города?

Майор на некоторое время ощутило «подзавис», видимо не совсем понимая, как можно отказаться от такого предложения. Потом хмыкнул в свои красивые и ухоженные усы, молча повернулся и пошел вверх по лестнице. Капрал чуть потоптался и направился следом, пропуская Кэпа перед собой. Тот пожал плечами, и двинулся за странным командиром, про себя отметив, что ворс на темно-красном ковре, постеленном поверх полированных ступеней, довольно густой и не вытертый добела, а бронзовые кольца у прутьев-держателей – начищены до блеска. Мысли о том, что с городского и шахтного начальства стоит содрать как можно больше, укрепились все сильнее.

На втором этаже красный ковер закончился, начался зеленый, украшенный красивым орнаментом. Привезенный сюда торговцами явно откуда-то с тех южных областей обитаемых и относительно чистых земель, что были к Югу от Камня. Представить, сколько за эту красоту отвалила местная администрация, Кэп мог, но не хотел. Ему достаточно было понять, что на эти деньги он мог бы позволить отряду закупиться медикаментами для Айболита так, что хватило бы минимум на полгода. А то и на месяцев, этак, семь. Ну, а при экономии и доли везения, так и на все восемь.

Доставать из поясной сумки счетчик-трещотку ему тоже не хотелось. И так ясно, что в здании мэрии он будет появляться весьма и весьма нечасто. Получать таким вот образом лишнюю дозу радиации – в его планы не входило. Удивиться пришлось еще раз. Ведь всем известно, что ко всему, что везли оттуда, нужно было относиться с особой осторожностью. Ну, как известно, дай дураку стеклянный искусственный «нефритовый стержень», так он и его расколотит.

Тем временем широко шагающий майор Гриф подошел к высокой двери из полированного дерева. Хотя Кэпу, имеющему немалый опыт в устройстве всевозможных дверей, люков, ворот и калиток, уже было ясно, что дверь только снаружи деревянная. Между двумя панелями из крепкого мореного дуба, наверняка была утоплен большой прямоугольник из стали. Скорее всего, что вырезанный и переваренный из старой бронепластины. Такие двери давно стали модными практически у любых князьков, царьков и прочих господ невысокого полета.

Те, кто действительно имел серьезную власть, не скромничали и открыто устанавливали сделанные на заказ бронированные чудеса инженерной мысли. Зачастую оснащенные всякими хитрыми системами опознавания по голосу и прочему. На машинах отряда, к слову сказать, стояли как раз такие умные приспособления, вдобавок ко всему еще и оборудованные охранными устройствами. Здесь же в качестве техники для безопасности стояли навтыжку два крепких лба, вооруженных и экипированных немного лучше, чем их товарищи внизу. И намного серьезнее, чем караул на воротах. Кэп только покачал головой, понимая, что, скорее всего, на самом деле в городе все именно так плохо, как он и предположил на площади.

Капрал остался стоять у дверей, а перед майором и Капитаном сама по себе отъехала в сторону одна из дверных половинок. Из полутьмы большого кабинета наружу потянуло сладким запахом дорогих сигар, ароматом старого коньяка и свежего кофе. Сидящие за столом пятеро мужчин разом, как по команде, обернулись, жадно вцепившись глазами в вошедших. Хотя, скорее всего, интересовала их только непрезентабельная фигура капитана, прочитавшего во взглядах очень много интересного для себя.

Глава вторая: Кэп, Батя, разговоры и пиво

«И спустил Князь Тьмы помрачение на умы людские,
Обрушил на мир и глад, и чуму, и мор, и Войну.
И вышел Дракон, повергнувший многие царства и престолы,
Спалил города и нивы, людей и тварей земных и морских.
А после, посмотрев на отчаявшихся и слабых, не излив
Чашу гнева, выпустил Господь на грешников ангелов падших...
И лишь Воины, исполненные силы, могли остановить их»
Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Во взглядах людей, сидящих за столом, читалось много различных эмоций. Но преобладающими нотами оказались страх и... надежда?

Плотный, а скорее даже полный мужчина, чья фигура, хоть и заплывшая жиром, выдавала бывшего борца, приподнялся:

– Добро пожаловать в наш город, господин Капитан. Очень рады вас видеть у нас, очень. Ждали ваш отряд с нетерпением. Присаживайтесь, прошу. Майор, подайте нашему гостю кресло. – Он снова перевел все свое внимание на Кэпа, абсолютно наплевав на гримасу недовольства, возникшую на холеном лице Грифа. – Если кофе, то вот, прошу, в кофейнике. Только что сварен, с корицей и ванилью. Сливки, молоко? Может, хотите коньяку? Бренди, виски, можжевельной, или обычной водки? Обед у нас чуть позже.

Кэп сел в принесенное ему кресло с мягкой, высокой и удобной спинкой. Ни слова не говоря – пододвинул к себе высокий оловянный кофейник, покрытый выпуклыми фигурками. Судя по всему, они изображали известные истории на мотивы легенды о десяти подвигах Мэдмакса. А по бокам неизвестный или забытый талант изобразил еще две, те, что обычно не входили в официальную версию. Центральное место в них занимали фигурки, явственно доказывающие, что у Мэдмакса должны были остаться потомки. Если верить версии, изображенной на кофейнике, то, как минимум, трое. А если приглядеться, то и все четверо.

Подивившись про себя тому, что несколько не лгали рассказы насчет жителей Фронтира с их своеобразным отношением к общепринятым религиозным нормам, Кэп набулькал себе почти полную чашку горячего и густого напитка. От души насыпал дефицитного привозного белого сахара и, до краев посуды, разбавил кофе свежими сливками. Отхлебнул, довольно прищурился и полез в карман за портсигаром. К моменту, когда он начал хлопать по себе в поисках куда-то завалившейся зажигалки, перед носом у него дрожали сразу три язычка пламени. Два от подставленных почти одинаковыми субтильными типами, одетыми по прошлогодней моде Альянса, и один от охотничьей спички, которую держала широкая рука хмурого бородача в коричневом и черном. Подивился выдержке наливающегося кровью мэра, сейчас промокавшего вспотевшие складки на загривке платком, и решил, что явно хватит набивать себе цену.

– Здравствуйте, господа. Приношу извинения за мое, не совсем вежливое, поведение. Трое суток в пути, сами понимаете. Как полагаю, – он привстал, обращаясь к здоровяку с платком, – вы и есть местный мэр? Рад познакомиться, и можете называть меня просто Кэпом.

Здоровяк-мэр перестал надуваться. Положил платок перед собой, откинулся на спинку своего, громадного, кожаного сидения и уставился на него маленькими темными глазами. Немного помолчал, раскуривая большую фарфоровую трубку, а Капитан уже понял – местному хозяину очень нравилось подчеркивать собственный статус вот такими мелочами, и, наконец, заговорил, окутавшись клубами дыма, пахнувшего вишней:

– Да, уважаемый господин Кэп, я и есть мэр. Можете, если захотите, называть меня просто Батей. Не обижусь. Прежде чем начнем разговор, представлю вам остальных.

Конец трубки ткнул в двух одинаковых модников, уже убравших в карманы свои выпендренные зажигалки.

– Господин Правый, господин Левый, городские советники.

Торопливые кивки одинаковых стилияг, которым Кэп ответно качнул головой.

– Господин Герц, мой заместитель.

Сидевший рядом с мэром серо-спокойный мужчина неприметной внешности чуть пристал.

– Господин Краб, начальник рудной службы.

Тот самый, со спичками, коричнево-черный, с густой рыжей бородой, протянул широченную грубую ладонь. Кэп пожал ее, мысленно отметив силу хватки главшахтера. Батя затаился дымом покрепче, потерялся на спинку и продолжил:

– С майором Грифом вы уже знакомы. Все, кто сидит сейчас здесь, есть мои самые доверенные люди, принимающие самое деятельное участие в жизни города. Все они с удовольствием окажут вам, Капитан, всю необходимую помощь в том, ради чего мы вас пригласили. Надеюсь, что мы с вами сейчас найдем общий язык.

Кэп внимательно посмотрел на мэра, судя по всему – оседлавшему любимого конька красноречия, и старавшегося скрыть за словами свой страх, так сильно бросившийся в глаза перед знакомством. Сейчас, сидя и рассматривая членов администрации более вдумчиво, Кэп пришел сразу к нескольким выводам.

Первый: советники боятся иррационально, подобно зайцам из детских сказок. То есть просто трусят, не понимая того, что происходит. И что очень важно – страх рожден не просто убийствами... интересно. Второй вывод: серый господин Герц если и боится, то делает это незаметно. Учитывая то, как он себя ведет, скользкий и невыразительный взгляд, манеру поведения и некоторые мелочи, Капитан сразу понял, что этот заместитель отвечает за настоящую безопасность. В отличие от чучела Грифа, годного разве что на то, чтобы гонять подчиненных и красоваться в форме. Третье мнение сводилось к тому, что бородатый здоровяк, возможно, вообще ничего не боится. Опасается да, злится из-за того, что этот страх мешает работе – всенепременно. Но почему-то не боится. В отличие от мэра, которому бояться нужно вообще меньше всех, но у которого в глазах прыгают пружинки ужаса. Ох, и интересная здесь ситуация, ничего не скажешь.

– Я думаю, господин мэр, что мы с вами найдем общий язык. То, что нам, несомненно, потребуется помощь, мне абсолютно ясно. Вся информация, что дадут нам жители города, вне зависимости от их статуса и положения, сыграет свою роль. Прежде чем отряд приступит, собственно, к тому, ради чего вы нашли нас у Камня, нам придется довольно много времени потратить на анализ данных. Именно так, господа, не волнуйтесь и не вскидывайтесь. Мы не отряд феи-крестной, который придет и за пару дней наведет здесь порядок, покарвав злокозненных чудовищ. Я даже не знаю, с чем нам предстоит столкнуться, и только после того, как вы мне хотя бы в общих чертах поясните ситуацию, только тогда мы с вами перейдем к конкретному разговору. Так что у вас происходит, господин мэр?

Батя выбил трубку, не обращая внимания на то, что пепел и оставшиеся угольки летят прямо в фарфоровую тарелку с золотистой каймой, в которой лежали недоеденные остатки жареного с пряностями цыпленка. Взял большую кружку с медной вычурной крышкой и отхлебнул. Судя по тому, как в ней булькало, мэр предпочитал пиво. А судя по цвету лица – наверняка с более крепкими напитками.

– Значит так, Капитан. Творится у нас что-то странное и страшное. Жители города погибают прямо в домах, на улицах. Не говоря про то, что шахтеры отказываются работать в шахтах. Хотя, как ни странно, там смертей намного меньше.

– Стоп. – Кэп наклонился вперед, оставив чашку. – Почему это странно?

Мэр чуть замешкался.

– Потому что все началось с шахт, господин Капитан. – Краб, до этого молча теребивший бороду, налил себе густо-янтарного цвета жидкости из темно-зеленой бутылки. Залпом выпил, чуть выдохнул и продолжил. – Первыми попали мои ребята. Около года или полутора назад. Мы... начали заходить шахтеров в забоях мертвыми. Разорванными на куски, измочаленными до такого состояния...эх. И пропадающими, испаряющимися из-под земли!

Он махнул рукой, и устался в пустоту перед собой. Остальные молчали, как будто хотели, чтобы Краб выговорился. Было заметно, что в этом сильном мужчине уже давно накопило то, что сейчас должен услышать Капитан. И еще ему стало понятно, что мэр мэром, Герц Герцем, но вот этот, похожий на старого медведя горняк – фигура, явно не уступающая им по весу на местной шахматной доске.

Тот с хрустом сжал пальцы на правой руке и продолжил:

– На каждую смену я стал отправлять парней из стражи. Не меньше двух-трех. Постоянное патрулирование по всем забоям. Громадные расходы, а куда денешься? Мои ребята не боятся работать даже тогда, когда крепь ненадежная. Они готовы рисковать погибнуть под завалами, потому что надо. Кэп, вы представляете себе, что такое работа в шахте? На угле? Когда пневматические молотки уже давно износились, запчастей нет, и нет машин для нормального прохода? Зато здесь, в городе, есть семьи, которые хотят есть. Тогда они идут в забой с кайлом, пластают уголь глубоко под землей... и потом бояться идти по коридорам назад, чтобы выбраться на поверхность. Вы представляете себе такое?!

Капитан кашлянул, затушив в пепельнице сигару.

– Мастер Краб, я вас, конечно, понять не смогу. Но ведь вы меня вызвали сюда не для того, чтобы я понимал чувства ваших рабочих? У нас еще будет время, и мы сможем поговорить с вами вдвоем. Сейчас мне хотелось бы понять – что точно происходит в вашем городе. Даже на то, чтобы попытаться сделать выводы, нашей команде нужно время. Может, поэтому мы и не будем его терять? Намного проще, если вы все расскажете мне про то, кто это делает. Наблюдения, возможно следы, если есть недавние тела жертв – будет очень хорошо. Чем позже отряд приступит к работе, тем больше людей может погибнуть.

Горняк посмотрел на Капитана из-под нахмуренных бровей. Вопросительно, выжидающе и немного растерянно. Как будто пытался понять – что нужно от него этому нахальному доходяге, развалившемуся в кресле напротив? Спустя несколько секунд он кивнул головой, набулькал в стакан еще немного того же из бутылки, но пить не стал. Покрутил стакан в корявых пальцах и продолжил. Кэп отметил, что советники и сам мэр – облегченно вздохнули. А вот серый господин Герц как сидел абсолютно спокойно, так и остался сидеть.

– В первый раз этих тварей успели увидеть две смены патруля. Одна как раз должна была подниматься вверх, а вторая шла им навстречу. Шахта «Красотка Ксю», самая южная. Из одного из коридоров на них выбежал мальчишка-водонос. У него уже не было одного глаза, спина в клочья и из бедра вырван большущий кусок мяса. Как он добежал до них – непонятно. Один патрульный потащил его к транспортеру, где есть телефонный аппарат и кабель наверх. Остальные пошли в коридор, но не успели. Зато пришили одну из тварей, потратив на нее три обоймы.

– Какое оружие у ваших патрульных? – Капитан жестом попросил Краба остановиться и ответить на его вопрос.

– У них были карабины. Хорошие, старые и мощные. С пары выстрелов парни один раз свалили лося. А тогда, в забое, погибло двое ребят из пяти. И это цена за всего лишь одну убитую ими тварь. Всего за одну...

– После этого случая я настоял на том, чтобы из цейхгаузов города выдали автоматы. – Серый Герц, до этого сидевший молча, открыл рот. Голос у него оказался неприятный, резкий

и режущий слух. – Шахты для города важны, и нам пришлось использовать оружие, которое оставлено на крайний случай. Автоматы все до одного еще заводские. Не те самопальные переделанные швейные машинки, что иногда пытаются продавать на черном рынке.

– Помогло? – Кэп заинтересованно повернулся к Крабу. – Или нет? Да, господин Герц, а какого типа были боеприпасы?

– Стандартные, те, что шли к оружию. – Герц непонимающе уставился на Капитана. – А что?

– Не пытались ли ваши люди использовать что-то свое? Например, они могли отливать пули из серебра. Знаете, наверное, что серебро считается очень действенным средством.

– Нет, боеприпасы были об...

– Еще как пытались. – Горняк опрокинул в себя стакан. Судя по запаху – с самопальным самогоном на перце с медом. – Отливали, самолично выдал им серебро в прутках, когда попросили. Не косись на меня, Герц. Они на смерть туда ходили, я их понимаю.

– Результат? – Кэп внимательно посмотрел на начальника шахтеров.

– Такой же, как и от обычной пули... Тьфу ты, эх и крепкая зараза, до сих пор отдышаться не могу. Без разницы, Капитан, чем в них стрелять. Хоть свинец, хоть сталь, хоть серебро. Главное – куда попасть, это да. Если в голову, так они сразу с копыт. Только, если потом еще и не разнести голову в куски, и калибр небольшой, то могут и встать.

– Как так? Им в голову, а они оживают?

– Парни говорили, что да. Один или два погибли из-за этого. Если нашпиговать в грудь из двух стволов, то тоже вроде как совсем дохли. Только это мало кто проверял.

– Почему?

– Потому что отобьются, и бегут оттуда. Потому что те выскакивают отовсюду. Еще и еще, лезут, как тараканы у ленивой бабы на кухне.

Капитан задумчиво покачал головой. Ситуация яснее не стала, даже наоборот.

– На кого похожи эти ваши твари? Как передвигаются, атакуют? Это ваши парни смогли рассказать?

– На тварей и похожи. – Краб сплюнул. – Высокие, худые, страшные как черти. Клыки с палец, когти, и на руках, и на ногах. Кожа бледно-серая, иногда в лохмотья какие-то одеты. Но все равно, в шахтах мы смогли навести порядок.

– И они пошли в город? – Кэп посмотрел на мэра. – И давно?

– Последние полгода. – Буркнул Батя, покрутив толстой шеей. – Полгода назад они в первый раз напали здесь, ночью. Несколько недель мы это скрывали.

– Как вы это делали? – Капитан чуть не поперхнулся остатками кофе. – Ведь до этого...

– Шахтерам закрыли рты, также, как и патрулям. – Мэр вздохнул. – Платить стали больше, и с каждым был разговор людей Герца. Было четко сказано молчать. Если бы начались слухи, то...

– То люди начали бы бежать из города, так? – Кэп хмыкнул. – Да они и так побежали, судя по всему. А потом остановились, так как Пять городов влезли в очередную драку. И те, кто решили уйти в населенные земли, поняли, что там, где нет ночных страхов, можно погибнуть куда как быстрее? Да уж, господа, давно не слышал более интересной истории. Год пудрить мозги жителям города – это серьезно.

– Что? – Мэр начал багроветь. – Да как ты смеешь? Как...

– Успокойтесь, Батя. – Герц повернулся к своему боссу. – По сути, он прав, и это к делу отношения не имеет. Просто теперь Капитан наверняка начнет торговаться, так?

Кэп хмыкнул. Побарабанил пальцами по столу.

– Торговаться я начну чуть позже. Пока мне понятно, что вы нуждаетесь в помощи нашего отряда. А значит, что торг будет. То, что мы сможем со всем с этим сделать, вам необходимо. Иначе город лишится всего дохода с угольных выработок. Раз уж убивают прямо в

самом городе, то загнать отцов и мужей под землю наверняка трудно. Пусть они ничего не смогут сделать с теми, кто это делает, но из домов им уходить явно не захочется. Сейчас я пойду к своим людям. Ночью, скорее всего, несколько человек присоединятся к вашим патрульным. Также мне нужен доступ к городскому архиву, помощь тех, кто сталкивался с тварями и выжил. И еще одно, обязательное условие. Его я скажу прямо сейчас. Согласны?

– У нас есть выбор? – Мэр зло посмотрел на него. – Города не дают своих солдат. Жители сидят по домам и трясутся от страха и ожидания того, кто может прийти ночью. Что за условие?

– Если кто-то из горожан захочет уйти в мой отряд, то вы не должны этому препятствовать. Кто бы это ни был.

– Зачем это вам, Кэп? – Герц с интересом покосился на седого чистильщика. – Нехватка людей из-за потерь? Вы же, если верить нашей информации, профессионалы.

– Мы-то профессионалы. Только наша профессия такая, что погибнуть шансов даже больше, чем на войне. Кстати, господа, чтобы вы успокоились – нам подходит далеко не все. Сегодня отряд останется за стеной, а завтра станет ясно – нужно ли нам вообще вводить технику и личный состав в город. Понятно, что каждый из моих людей должен беспрепятственно заходить в него. Этот вопрос, как мне кажется, решить достаточно просто?

– Да. – Герц утвердительно кивнул головой. – Что-то еще?

– Доступ к вашим складам и мастерским. В том случае, если что-то понадобится. И толковый человек, в качестве гида. Желательно, чтобы он разбирался не только в городских улицах, но и в том, что и как на шахтах. Подробный план города со всеми имеющимися системами коммуникаций, даже если они уже давно не работают.

– Хорошо. – Мэр сердито засопел. – Майор Гриф предоставит вам все необходимое. Мы вас больше не держим, так что можете приступать.

– Конечно. Всего доброго, господа. – Капитан встал, легко поднявшись из глубоко кресла. Никто, кроме задумавшегося Краба, даже и не подумал кивнуть в ответ. Вот так всегда, как только дело доходит до оплаты и условий. Горняк молча протянул свою лапищу. Кэп пожал ее на прощание и двинулся к выходу, следуя за явно недовольным воякой.

Выйдя из здания, Гриф поручил капралу, тому самому, что привез Кэпа сюда, выдать пропуска на вход и въезд в город, и найти сопровождающего. Сам же заявил, что по всем вопросам, связанным с технической и оружейной частью – готов полностью сотрудничать, но только завтра. Если же кто-то из чистильщиков решит присоединиться к патрулю, то в этом Капитану поможет его заместитель, заступающий вечером на дежурство. Сам Гриф сейчас предупредит по телефону посты на воротах о том, что прибывшие не враги, и стрелять в них не нужно. После чего развернулся и проследовал в здание мэрии.

Капрал Штырь плюнул, повернулся и пошел в сторону ворот, так как машину он уже давно отправил назад. Капитан, улыбаясь про себя, двинул за ним. Позиция местного командования была ясна и понятна. Скорее всего, у рудничной стражи свой командир, вероятнее всего, человек Краба. Оставшийся за старшего, на то время, что главный шахтер пробудет в городе. А майор Гриф, вероятнее всего, чей-то ставленник, которого нельзя убрать из-за родственных связей, или политических соображений. Во всяком случае, сам Кэп никогда не перекинул бы дела, связанные с незнакомыми вооруженными людьми на чьи-то еще плечи. В отличие от этого клоуна с красивыми усами.

Догнав чуть ушедшего вперед капрала, Капитан присмотрелся к нему внимательнее. Невысокого роста, плотно сбитый и подвижный, Штырь явно тот самый солдат, которого отцы-командиры всегда рады видеть в составе своего подразделения. Форма старая, но аккуратная и чистая. Амуниция подогнана правильно, без чего-то ненужного. Уверенные движения и постоянное состояние ожидания. Это бросалось в глаза очень сильно.

– Капрал? – Капитан решил не тратить время впустую и поинтересоваться тем, что творится в городе у этого, в общем неплохого, солдата. – Не будете против, если пообщаемся?

– Нет, чего мне быть против? – Штырь немного сбавил шаг. – О чем?

– Расскажите мне про то, что у вас здесь происходит, если не сложно. И если не против – давайте без «выкания». Я вам не командир, в конце-то концов.

– Хорошо. – Штырь остановился на перекрестке. – Не хотите, э-э-э, то есть, не хочешь горло промочить? На воротах у меня остался Медведь, так что можно не беспокоиться. Тут недалеко есть неплохой подвальчик, и там всегда свежее пиво, только что с пивоварни. Что скажешь, Кэп?

Капитан подумал, представил себе запотевшую кружку, с катящимися по ее бокам капельками и шапкой пены. Вспомнил ржаные сухарики, которые подавали к пиву в пивной «Русалке» портового Мурмана. То, как давно он в последний раз пил пиво. Взвесил все «за» и «против» и согласился. Около часа времени у него есть, потом нужно разобраться с отрядом и делами. А вообще – этим можно заняться уже и сейчас, раз уж на то пошло.

Он залез под ветровку, достал длинный черный прямоугольник станции, закрепленный в чехле на поясе и начал вызывать Тундру. Капрал завистливо покачал головой. В патруле радиостанций не выдавали, и есть они в городе, или нет – Штырь даже и не знал. Конечно, станция у Кэпа очень старая, обтерханная и потрепанная. Корпус заново сделан каким-то умельцем из нескольких, антенна тоже явно самопального типа. Но даже то, что ее низ старательно обмотан клейкой лентой, капрала не смущал. Это ведь станция, возможность поговорить на расстоянии со своими людьми. То, чего так не хватало во время дежурств и патрулей. Штырь грустно, про себя, вздохнул.

– Тундра, прием... слышишь меня? – Капитан знаком показал капралу, что времени остановка займет немного. – Тундра, прием...

– На связи, Кэп. – Голос, нарушаемый помехами, был низким и чуть хриловатым. – Как у тебя там дела?

– Пока в норме. Ты, давай, дойди до ворот. Местный начальник гарнизона должен предупредить о том, чтобы не стреляли. Если все так и есть, то подгоняй машины к стене и устраивай лагерь. Сам буду где-то часа через полтора. Мерлин с ребятами еще не подъехали?

– Пока нет. Выходили на связь с час назад. Скоро будут.

– Тундра, ты посмотри сам, как они там. Если нормально, скажи Мерлину, чтобы готовились на ночь выйти в город. Все, отключаюсь, заряд кончается.

Кэп убрал станцию обратно и повернулся к Штырю:

– Ну, капрал, показывай свой подвальчик.

Кабачок, спрятавшийся в цоколе трехэтажного дома из светлого кирпича, выглядел небольшим и вполне уютным. Столов в нем было немного, десять, может чуть больше. Дальний конец, в связи с тем, что кроме Капитана и капрала было лишь трое посетителей, не освещался аккуратными масляными светильниками. Кэп остановился на пороге, внимательно осмотрев место, в котором должны разливать разрекламированное Штырем пиво.

Светлые стены, оштукатуренные и выкрашенные в мягкий, с кремовым оттенком, желтоватый цвет. Столы из дерева, нелакированные, скорее всего для того, чтобы скоблить ножом и потом зашлифовать наждачной бумагой. Те самые светильники, одинаковые, с коваными из железа держателями в стенах, накрытые чистыми стеклянными колпаками. Полы накрыты циновками из чего-то жесткого, похожего на солому. На входе стоит металлический скребок для обуви и лохань с водой, к которой сбоку приварена пара крючков. На крючках, вычурных и украшенных узором, висели на длинных деревянных ручках щетки из конского обрезанного волоса. Стойка в углу, сбита из ошкуренных досок, с тремя бочонками, в которых, судя по аппетитному пшеничному запаху, смешанному с хмелем и солодом, было то самое пиво.

Там стоял высокий белобрысый верзила с очень спокойным лицом, украшенным длинными и грустными усами. За его спиной находилась арка, из которой тянуло яичницей с домашней колбасой. Капитан довольно улыбнулся. В последний раз в такой обстановке он находился около двух месяцев назад.

– Здорово, Йод. – Штырь поздоровался с усачом за стойкой. Тот лишь кивнул и вопросительно поднял бровь. – Мне чая и чего-нибудь пожевать. А товарищу пива, светлого и холодного. У тебя яичницу жарят? И ее тогда. Мы ненадолго у тебя задержимся.

Кэп вздохнул, грустно и протяжно. А ведь таких вот уголков в мире становилось все меньше. Маленькие поселения, раскиданные вдоль тех трактов, что еще могли спокойно пропускать по себе оставшуюся технику и большие повозки, зачастую не могли предложить чего-либо подобного. Во всяком случае, такую чистоту и ухоженность отряд встречал очень редко. Капитану было все тяжелее осознавать то, что их мир медленно и неотвратно продолжает скатываться вниз, глубже и глубже, подбираясь к последней черте. И как не старались те, кто хотел поднять его из руин... короче, мало что у них получалось.

Города, подобные этому, встречались все реже. Проезжая по улицам Капитан не заметил становящихся обыденными куч мусора у стен, и почти не почувствовал запахов отбросов и экскрементов. Значит, в городе пока еще вполне исправно убирала и вывозила куда-то мусор и нечистоты. Да и вот, если присмотреться к трем мужикам, сидевшим за столом и кивнувших его сопровождающему, можно заметить добротность и качество одежды, уверенный вид людей, спокойно смотревших в завтра. Не говоря про молчуна Йода, который ничем не напоминал тех трактирщиков, что зачастую прямо за стойкой стояли в засаленных передниках. Хороший городок, в общем. Один из тех островков умирающей цивилизации, которые пытался сберечь и сам Кэп, и все те, кто входил в отряд. За которую ожесточенно боролись, иногда сами себе в том не признаваясь.

На то, что сказал капрал, стоящий за стойкой Йод все также, молча, кивнул и повернул кран у одного из бочонков. Штырь прошел дальний угол, ту его часть, которая все-таки чуть освещалась. Сел на невысокий стул, прислонил к стене короткий карабин и подвинул кобуру подальше на бок. Капитан сел напротив него, про себя отметив то, что капрал специально занял позицию спиной к двери, давая возможность ему не напрягаться, ожидая чего-либо с тыла. Это было хорошо и правильно со стороны Штыря, который понравился ему еще в тот момент, когда переругивался с вышки. Осталось проверить – что он может рассказать, чтобы понять то, насколько капрал сможет помочь и пригодиться в том деле, которое ожидало отряд впереди.

– Спрашивай, Кэп. – Солдат откинулся на спинку стула, достав из кармана пачку дешевых сигарет без фильтра, скорее всего привезенных из Пяти городов и выданных в качестве табачного довольствия. Помял ее пальцами правой руки, желтыми и прокуренными. Закурил, окутавшись сизым дымом. Запах от сигареты шел тяжелый, скорее даже вонючий, но никто не возмутился, наверняка давно привыкнув к нему.

– Ты сам ходишь в патруль по улицам?

– Редко, в качестве усиления. Мое дело – работать на воротах. По улицам, если тебя это интересует, в основном ходят неплохие парни. Другое дело, что ни оружия хорошего, ни опыта у них нет. Недавно, правда, выдали им пистолеты-пулеметы. М-да...

– Что скажешь про то, что у вас здесь по ночам творится?

– Да, а что тут скажешь, Капитан? Творится у нас – черт пойми что. Как началось все с полгода назад, так все никак не хочет заканчиваться. Люди гибнут, Кэп. Погибают так, что страшно до жути становится. Бывал я в паре домов, где такое случалось... как на скотобойне побывал.

– В домах? – Лицо Капитана чуть дрогнуло. – Ночные твари попадают в дома? В каких районах города?

– Ну да. И в центре случалось такое, и рядом. На окраинах поменьше, правда. Там все больше улицы и улицы. – Штырь недоуменно посмотрел на него. – Что в этом такого? Если на улицах нападают, то, что им может помешать попасть под крышу?.. Хотя...

Капитан кивнул головой. До капрала, судя по всему, дошло то, что сразу удивило его самого. Все довольно просто, если задуматься, и должно было сразу вызвать удивление. Если по окраинам наверняка дома старые и разваливающиеся, то в центре города все как раз наоборот. Взять хотя бы то место, в котором они сидели.

Кладка в три кирпича, толстые ставни на каждом окне и решетки на первом этаже, это Кэп заметил сразу. А дверь в сам кабачок? Толстая, явно из дуба, с коробкой, утопленной в стены на толстых штырях. Такую выбивать, так разве что носом броневика, или гранатой. Конечно, Капитан не мог не учитывать того, что подземные монстры сильнее обычного человека. Но предел их силам точно должен быть. Даже из тех тварей, что отряд уничтожил до того, как приехать сюда, Кэп мог вспомнить две, ну три от силы, разновидности, способных не такое. Здоровенных лохматых людоедов из Пармы, терроризировавших тамошних пасечников и смолокуров, легко ломающих хребет лошади и стволы молодых деревьев. Тогда отряду пришлось пользоваться пулеметами и несколькими крупнокалиберными автоматическими винтовками. И еще странных, полумеханических существ, обитавших на развалинах города Святой Екатерины. Судя же по тому, что говорили в мэрии, местные подземники не отличались поразительными размерами. Так что стоило призадуматься.

Тем временем к столу подошла совсем юная особа, одетая в аккуратное клетчатое платье с белым передником. Девушка была чудо как хороша, полновата той полнотой, что скорее красит, а не портит, и имела явное сходство с молчуном Йодом. Во всяком случае, глаза у нее были такими же большими, а длинные волосы, собранные в два тугих кольца на затылке, отличались таким же ярко выраженным белым цветом. Она поставила перед стражником глиняный заварочный чайник, с глазурью и красивыми синими цветами по бокам и носику, такую же чашку с небольшим сколом на краешке и блюдце со свежим кренделем, посыпанным кунжутом. Отдельно, со стуком, рядом с чайными принадлежностями приземлилась масленка с желтым маслом, явно домашним.

На долю Капитана досталась широкая плоская тарелка с яичницей из четырех яиц, с ярко-оранжевыми желтками, посыпанная свежей зеленью. Кроме ровных и круглых глазков, ее также украшали толстые прожаренные кругляши домашней жирной колбасы. Хлеб, положенный на блюдце, такой же свежий, как и у капрала. Три больших, ноздреватых куска, пахли так безумно хорошо, что Капитан только сглотнул слюну. После галет и сухарей, которые возил с собой отряд, такое оценить можно было по достоинству. А когда девушка вернулась и водрузила на стол еще и высокую глиняную кружку с пивом... именно такую, которую Капитан себе и представлял, то есть запотевшую, с шапкой белой пены...

Решив, что на некоторое время можно забыть о вопросах, связанных с делами, Кэп глубокомысленно плюнул на все и решительно взялся за нее. К слову сказать, ему пришлось сделать в голове еще одну отметку в пользу этого шахтерского городка. Так как приборы были стальными, старательно начищенными и не очень стертymi. Но перед этим Капитан не смог отказать себе в проявлении слабости. А именно – он взял кружку и надолго приник к ней, медленными глотками вливая в себя пиво.

«Господи, ты, боже мой... – подумалось ему, – оно ведь действительно свежее, приготовленное так, как теперь делают в очень редких местах...»

Старший капрал Штырь, только отхлебнувший свой чай, удивленно вытаращился на его ходящий взад-вперед острый кадык под загорелой и загубевшей кожей, покрытой давно не бритой седой щетиной. Капитану было вполне понятно это удивление, ведь не каждый день увидишь, как человек одним присестом одолевает полную кружку с пивом. Но ведь, скорее всего, этому парню не доводилось месяцами жить в пустошах и на руинах разваливающегося

мира. А разве сможет человек, ни разу не лишавшийся многих удобств, то, что сейчас испытывал Капитан?! Ведь отряду зачастую приходилось быть лишенными вот таких благ.

Питаться почти всегда консервами и сухарями. Пить обеззараженную воду и аккуратно расходовать каждую таблетку сахара. Мыться раз в пару недель и стирать одежду только после того, как отряд выходил к людям. Нет, конечно, не вся работа проходила именно так, но чаще всего – без нормальных условий. А последний месяц чистильщики провели на севере областей Альянса пяти городов, лежащих у той оконечности Камня, что выходила в Северный океан, в тайге, окруженные гостеприимными тучами гнуса, дикарями и вырождающимися, искалеченными животными.

Так что Кэп даже и не думал обижаться, когда кружка со стуком встала на доски стола, и прямо в его лицо уставились удивленные глаза Штыря. Мужики за соседним столом как по команде развернулись назад, поняв, что ТАК глазеть не стоит, а поленьевая симпатяшка блондинка двинулась назад, неся в руке еще одну глиняную кружку, полную до краев. Капитан подмигнул капралу и быстро заработал ножом и вилок, уменьшая остывающую яичницу с потрясающей быстротой. Здесь не стоило корчить из себя крутого и невозмутимого перца, как он это делал перед хмырями из администрации. Не зачем.

Быстро управившись с порцией и подобрав куском хлеба остатки масла и густого желтка, Кэп довольно развалился на стуле, щелкнул зажигалкой и задымил. Штырь нерешительно двинулся к нему блюдец со своей сдобой, но Капитан лишь отрицательно покачал головой.

– Ну вот, теперь можно и поговорить. Спасибо, милая. – Седой чистильщик мягко, насколько позволило его жесткое лицо, улыбнулся девушке, пришедшей за пустой посудой. – Передай спасибо вашему повару, давненько я так вкусно не ел.

– Спасибо. – Она улыбнулась в ответ, блеснув красивыми ровными зубами. – Маме будет очень приятно. Еще чего-нибудь хотите?

– Нет, пожалуй, но спасибо за предложение. Этого хватит? – Капитан выложил на стол тусклый серебряный кругляш, жестом заставив встрепенувшегося капрала успокоиться.

– Да, сейчас я принесу сдачу.

– Не стоит. Мне на самом деле давно не было так хорошо. Так что сдачи не нужно. Скажи маме, что, скорее всего, скоро у вас появятся мои друзья, и работы у вас прибавится. Они у меня такие обжоры и гурманы, что сами не рады будете.

Девушка смущенно улыбнулась и пошла к стойке. Капитан глубоко затаился, выпустил несколько аккуратных колец и снова обратился к Штырю:

– Рассказывай все, с того момента, как начались первые нападения. Все мелочи, все странности и то, что не выходит наружу, чтобы не напугать горожан больше, чем есть.

Капрал только покачал головой.

Только что напротив него сидел совершенно другой человек, с неопишуемой радостью уминавший за обе щеки домашнюю еду, несколькими глотками выдувший пиво и с аккуратностью голодного бродяги вытерший тарелку хлебом. В какой-то момент Штырю даже показалось, что протяни к нему руку, и чистильщик рыкнет и щелкнет зубами в сантиметре от пальцев, как дворовый пес, что жил у его дома. А сейчас в стуле сидел холодный и расчетливый живой автомат с глазами человека, давно и прочно привыкшего убивать.

– Около года назад... даже чуть больше, с шахтами начало происходить что-то неладное. Горняки вообще люди странные, у них ведь, Кэп, суеверие на суеверии. Например – на спуске под землю стоят спиной вперед, чтобы их потом ногами не вынесли. Верят в рудничную кошку, что может обвал сотворить там, где ее ходы под землей. В Черного маркшейдера верят, что придет за каждым из них в конце жизни. В подземных рудокопов, что ведут свои ходы из преисподней наверх, и не дай никому Мэдмакс с ними пересечься. Короче, Капитан, куча у них всяких баек. Ну, крысы-переростки в шахтах то есть. Почти у каждого третьего в доме –

шкура прибита. Слизни, мокрицы-кислотницы и красноголовки те же, что и говорить. Но это все понятно...

Штырь достал сигарету, прикурил и продолжил. Капитан молчал, наблюдая за ним и внимательно слушая.

– А тут – погибать рудничные начали. Сначала-то привозили в закрытых гробах нескольких, мол, завалило так, что изувечило до ужаса. Родным их открывать не разрешали, хоронили при них, за счет конторы и все тут. Ну, слухов-то не удержать, один хрен. А когда ночью, в мое как раз дежурство, привезли в труповозке ребят со стражи, так я не выдержал. Прицепился к их старшему, который и доставил их, бедолаг. Он мне и рассказал, много всего. Про то, что какие-то твари начали убивать шахтеров, и про то, что убить их очень сложно. Потом им вывезли несколько ящиков автоматов, которые лежали только на случае серьезной войнушки, если города кого пропустят, или через границу ползут с Пустых земель. Тогда мне совсем стало ясно, что дело худо. Ну, а полгода назад, значит, добрались эти, которые там были, и до города.

Кэп наклонился вперед:

– Где было первое нападение, сколько людей погибло?

– В одном из старых кварталов. Город идет от старицы, там первые улицы строили. У них даже названий нет, только номера. Не трущобы, нет. Просто старые районы. Трущобы у нас возле той части стены, которая низкая, ближе к шахтам как раз. Сначала только на улицах люди пропадали, а потом, как-то месяца так четыре назад, твари начали попадать в дома. Как раз сместились ближе к центру города. Тогда мэр выставил пулеметы к входу администрации и усилил охрану. Он же и живет там же в самом здании, на последнем этаже. Кстати, Кэп, здесь, в этом доме, жил старик один, фонарщик. Да как старик... седой просто был, и больной. Вот и постарел. Ну да, точно, вспомнил. Он к нам попал несколько лет назад, когда заварушка крепкая на границе была, и Альянс прислал наемников, тогда-то он здесь и оказался. Ранили его, серьезно так...

– Штырь, не обижайся, но давай в сторону уходить не будешь, хорошо? А то такое ощущение, что это не я, а ты пиво пил. Так что этот фонарщик?

– Так, задрали его же, как раз в старом квартале. В смену Рэда. Он здесь вроде как засиделся, и не успел до темноты зажечь все хозяйство, что к нему относилось. Вот и пошел в темноту, хотя тогда уже все знали, что ночью то неладное творится. Но смог двух этих тварей убить, представляешь? А у него-ж с собой и был-то всего один револьвер. Правда, говорят, одну паскуду Сивый спалил. Это его Сивым звали, фонарщика. Серьезный был мужик, если бы не нога, которая так и не зажила, то, наверное, смог бы и живым остаться. Хотя... шут его знает.

– Спалил?

– Ну да, как курицу на вертеле. Маслом из фляги обдал, что ли. Не знаю точно. Один хрен – задрали его. Да еще как. Съесть, правда, не успели и с собой не потащили. Мало тварей оказалось, надо думать, вот их патруль и спугнул. А может еще что, не знаю. Жил он здесь, Йод сдает комнаты, что на третьем этаже. Тех двух я видел. Отвратные твари, скажу тебе.

«Вот с этого и надо было начинать» – подумал Кэп, но не сказал ничего вслух, только стал внимательнее слушать.

– Рост как у обычных людей, может только чуть повыше. Очень худые, но знаешь, Капитан, из-за мышц. Они у них просто как жгуты. Кожа какая-то бледно-серая, в пятнах, волос почти нет. Темные глаза, почти один зрачок. Зубы с когтями... – Капрал сжал в руках чашку. – Здоровые, у людей таких быть не может, это точно. У нас есть больница и там один холодильник для трупов работает. Так там, наверное, их держат. Как мне кажется.

Кэп внутренне улыбнулся. Если в городском морге хранятся тела нападавших, то это очень хорошо. Работа для Инженера, Айболита и Фроста, которые наверняка смогут сделать необходимые заключения. А это, в свою очередь, облегчит задачу всем остальным, и группе

Мерлина в первую очередь. Странно, конечно, что в администрации не заикнулись о том, что есть трупы, очень странно.

– Спасибо. – Он благодарно кивнул Штырю. – Пойдем, наверное. Если еще из моих кое-кто подъехал, то надо их в патруль с вашими выпустить. Да, капрал, мне бы в помощь кого-то из местных, желательно из стражи. Смышленного, здорового и молодого. Чтобы не отставал от наших ребят. Подскажешь кого-нибудь?

– Ну, что ж не подсказать-то? – Собеседник хмыкнул. – Завтра с утра будет у вас, как только сменится.

– Сменится?

– Да, сейчас в карауле стоит. – Штырь немного недоуменно посмотрел на Капитана. – А что?

– Отдохнувший нужен. Может, есть возможность сменить?

Капрал почесал кончик носа, явно раздумывая над словами чистильщика.

– Можно, попробую, так сказать. Пошли к воротам?

Кэп вместо ответа просто встал и направился в сторону двери. Проходя мимо стойки – не забыл поблагодарить еще раз и молчаливого усача Йода, и выглянувшую из-за занавески давешнюю девушку. Сидевшие мужики все также невозмутимо продолжили пить.

За время, проведенное в подвальчике, солнце успело неплохо скатиться по горизонту. Потому и Кэп, и капрал двинулись в сторону ворот с как можно большей скоростью. Тем не менее, поход занял не меньше двадцати минут. Чем ближе к вечеру, тем меньше жителей встречалось на улицах. Теперь, проходя по ним пешком, Кэп отметил про себя, что почти на всех окнах, даже на третьих этажах, красовались грубые решетки. Судя по большинству – ставили их совсем недавно. А то, как крепко и глубоко загонялись в стену штыри, удерживающие металл, сразу становилось ясно, что поставлены они именно из-за последних событий.

Впереди показались ворота, открытый джип перед ними и несколько солдат. Через створки, разведенные в стороны, заезжали, один за другим, длинные трехосные рыдваны, переделанные из старых автобусов. Один, второй, третий. Изношенные, с вытянутыми мордами, украшенными решетками радиаторов, машины, неторопливо ехали мимо. Стекла в некоторых местах отсутствовали, но все проемы, вне зависимости от этого, были закрыты металлическими сетками. Внутри Капитан увидел только мужчин, в серых и заношенных рабочих комбинезонах из грубой ткани. С усталыми, заросшими бородами, лицами, дымящих дорогими сигаретами с фильтром, с темными бутылками в руке у каждого второго.

– Шахтеры. – Капрал сплюнул. – Ну, жди завтра в городе драк, и ладно, что хоть днем, потому как вечером они теперь на улицы не суются.

– После вахт бузотерят? Ведь за смену выдохнуться должны?

– Так они как раз сегодня и будут отсыпаться, а завтра, ближе к обеду, выползут. Шумят, эт да, не без этого. Оно вроде и понятно – в забое каждую минуту можно жизнью рисковать, сейчас так тем более. И город только за них так держится хорошо. Но... свинничать-то зачем? Эх, люди...

Капитан про себя согласился с капралом. Ясное дело, что парни с шахт часто находятся на самом пределе нервных сил. Мало того, что в любой момент может крепь обрушиться, так есть еще и те самые «серые», что повадились таскать горняков. Нервы сдают, человек прикладывается к бутылке, а потом ищет пьяными, злыми глазами кого-то из местных, то есть городских.

Тех «белоручек», что, как наверняка считает любой забойщик, сидят лично у него на крепкой, с точками ввевшейся угольной пыли, шее. И таких, которым как не тверди о том, что не стоит шляться по кабакам после приехавшей вахты, наверняка имеется в избытке. Городские рабочие, окрестные фермеры, наверняка водители транспортов с метрополии, вывозящие тот самый драгоценный антрацит. И, конечно, люди из гарнизона, считавшиеся ни на что негодными бездельниками, не умеющими охранять их дома в отсутствие мужчин.

Кэп поспорил бы, что шахтеры опасались задирать лишь пограничников, не без основания считая, что этим только наживут неприятностей и тот факт, что стража Фронтира рисковала даже больше, чем они. Ох, как бы завтра не случилось чего, когда люди из отряда пойдут в город. Хотя бояться стоило, в основном, только за самих горняков. Уж в этом Кэп был уверен.

Но это, возможно, случится завтра, а пока ему стоит заняться насущными вопросами. Попрошавшись со Штырем и сказав, что в случае чего он пришлет обещанных людей, Капитан шагнул в начавшие смыкаться створки ворот, оставляя за спиной город с его страхами и наступающими сумерками.

Крутить головой в поисках отряда ему не пришлось. Все машины уже загнали на чистую площадку перед рвом и составили в неровный четырехугольник. Не хватало второго «Жнеца», находившегося в подчинении Мерлина. Это заставило Кэпа насторожиться. Тот уже должен был прибыть, если верить тому, что сказал почти два часа назад Тундра. Хотя... Поводов для волнения, судя по всему, у того не наблюдалось – «Скаут», небольшой и маневренный броневик, стоял в линии и его механик, Жук, ковырялся в открытом движке.

Тундра уже шел навстречу, скорее всего вызванный одним из дежуривших Близнецов. Высоченная фигура сидела на башне «Жнеца», угнездившись прямо на полке между стволами, и внимательно осматривала окрестности с помощью бинокля.

– Ну, ты долго, – протянул заместитель, подходя к командиру, – толк-то будет?

– Будет. Где группа Мерлина?

– К ночи доберутся. Засекли в степи несколько волколаков и решили, что это неполадок. Восстановили их статус-кво по отношению к хуторянам, живущим в округе, и теперь двигаются к нам.

– Балбесы. – Кэп сплюнул. – Вот точно тебе говорю, что Варяг блохозавров этих засратых заметил и всех взбаламутил. Рыцарь без страха и упрека, блядь, куда там. Ладно, хрен с ними. Как вернутся, ты вздрюкни как следует Мерлина, чтобы не расслаблялся. А дальше он сам разберется. Лагерь поставили быстро, молодцы.

– Делов то, умеючи. – Тундра тоскливо вздохнул. Дрюкать Мерлина ему не хотелось, но и деться от командирского приказа некуда. – Сейчас палатки закончим ставить, и все.

– Ну и хорошо. – Кэп достал из кармана портсигар, открыл и потянулся за содержимым. Но, вместо того, чтобы достать, быстро защелкнул и спрятал в карман. – Вот несет его нелегкая!

К ним приближался отрядный доктор, Айболит, высокий, худой как жердь, с вечно растрепанными волосами и в толстых очках с обмотанными изоляцией дужками. Уже издали он начал свою обычную проповедь, направленную в сторону Капитана.

– Командир, кто мне обещал не курить столько, а?!

Капитан обреченно вздохнул:

– Понеслась...

Глава третья: лагерь гостей, Медовая, черная кожа в обтяг и хорошее отношение

«Неведомы и темны дороги, по которым идут Воины.
Слабы духом и телом те, кто живут вдоль них.
И потому Воины нужны люду человеческому как воздух.
Ибо никто, кроме них, не спасет слабых и сырых,
Когда Дьявол и присные его желают погибели стаду Божьему.
Потому – не желай себе судьбы Воина, если не готов.
И будь Им, если выпал жребий такой, ибо за тобой судьбы и животы людские»
Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Енот стоял у ворот и медлил. Стыдно признаться самому себе в трусости, но так оно и есть. Кого или чего он сейчас боялся, не смог бы объяснить. Да может и не боялся, кто знает? Но идти туда, куда ему было сказано явиться утром, почему-то не мог. А ведь вчера вечером даже обрадовался. Вчера вечером...

Вернувшийся старший капрал позвонил куда-то, а потом немедленно вызвал его к себе. Приказал возвращаться в казарму, сдавать оружие и отсыпаться. И прямо с утра – двигаться в лагерь чистильщиков и поступать в распоряжение давешнего седого до получения следующего приказа. Нельзя сказать, что Енот огорчился от того, что ему предстояло не достоять караул до конца, скорее наоборот. Если же учитывать факт того, что прямо перед ним от Штыря вышел злобно зыркнувший в его сторону Рыжий, то и вообще обрадовался. В планы Енота не входила закономерная ожидаемая «разборка», ведь пойманный за сном «товарищ по оружию» наверняка захочет... поговорить. Потому, получив указания, он развернулся и бодро потрюхал в казарму.

Утро началось еще более интересно. Растолкавший Енота дежурный для начала отправил его по всем необходимым делам, а потом в цейгхауз городской стражи. Всегда недовольный старший кладовщик Шмат выложил перед ним новый комплект формы, высокие кожаные ботинки, ремень и кепку как у личных охранников мэра. Пока Енот переодевался и переобувался, перед его глазами оказалась скрипящая от собственной новизны кобура с автоматическим пистолетом, потертый, но хорошо смотрящийся пистолет-пулемет и подсумок с четырьмя длинными металлическими магазинами. На выходе из казармы ему дополнительно вручили документ о прикомандировании, пропуск на проход в такие места, о которых он и не подозревал и десять серебряных монет.

Енот, слегка обалдевший от всего свалившегося на него счастья, скромного, но до этого момента абсолютно недоступного, расписался в ведомостях и отправился на инструктаж к заместителю майора Грифа – Вишневому.

Инструктаж вышел очень кратким и весьма доходчивым. В ходе выполнения приказа о содействии отряду чистильщиков, ему предписывалось оказывать любую необходимую помощь, а также по возможности все замечать и обо всем докладывать. После чего Енот отправился к воротам, где теперь и стоял, не понимая того, что заставляет его внутренне трястись от странного напряжения.

Сзади раздали шаги. Рядом с ним остановился Штырь. Капрал выглядел очень не выпавшимся, под глазами темнели мешки, да и вдобавок, когда он повернулся к Еноту с явным намерением что-то сказать, то сильно зевнул. Помотал головой, достал из кармана мятую картонную пачку сигарет, поковырялся в ней пальцами и удивленно посмотрел внутрь: – О как, все скурил. Слышь, Енот, дай... а, ты ж не куришь. Чего стоим, боец?

– Сейчас иду, господин капрал.

Штырь покосился на него:

– Да ты не бойся, молодой. Никто из них тебя не съест. Капитан у них вообще мужик душевный, зря напрягать не станет. Если сделают все, как нужно городу, то и тебе с этого что-то, да перепадет, стопудово. Лычки-то уж точно.

– Мне? За что?

– А ты подумай, ты парень с головой, потому я тебя и к ним отправляю.

– Вы, господин капрал?

– Я. – Штырь потер красные глаза. – Сам за тебя, молокососа, всю ночь отстоял, цени. Давай уже, иди. Они там, наверное, просыпаются. И вот что... помоги им, парень. Ради самого себя, семьи и просто всего города. Если так дальше пойдет, то сам понимаешь, жить здесь станет невозможно. А наших сил, собственных, не хватит. И умения тоже, так что – делай что скажут... и лишь бы только все у них получилось.

– Хорошо. Ну, я пошел.

Лагерь чистильщиков становился все ближе. Уже подходя. Енот понял, что устроен он очень профессионально и грамотно.

Расставленные по углам машины, вооруженные крупнокалиберными стволами, прикрывали те, что выполняли другие функции. Вчерашний бронированный монстр, стоявший в самом ближнем углу, уже не казался таким страшным. А вот две стальные машины, возвышающиеся на высоченных колесах и оцетинившиеся сразу двумя парами стволов, побольше и поменьше, торчавшими из башен, впечатляли. Под их прикрытием заднюю стенку лагеря образовывала длинная и массивная халабуда на гусеницах. По бокам стояли большие грузовики, похожие на транспорты, вывозившие уголь в Альянс. Только вместо вместительных и открытых кузовов, на них стояли металлические будки, с крохотными оконцами, закрытыми металлическими пластинами и прорезями бойниц в стенах.

Когда Енот дошел до угла, то стало видно, что вход в лагерь образуют почти такой же, только двухосный горбатый и тупоносый грузовичок и небольшой броневик, выглядящий как большой джип мэра, на который нацепили бронеколпак. Правда сверху колпака торчала небольшая сферическая башенка, вооруженная хищным, чуть зауженным к верху ребристым стволом крупного калибра.

– Ты из городской стражи? – Раздавшийся откуда-то сверху глухой бас заставил Енота вздрогнуть и потянуться к оружию. – Не глупи, стой, где стоишь.

Откуда-то сверху и сзади послышались мягкие и еле слышные шаги. Потом кто-то аккуратно спрыгнул, приземлившись практически беззвучно. Он повернулся и оторопел.

Над совсем даже немаленьким Енотом высилась живая башня, увешанная подсумками и оружием. На голове громады красовался обтекаемый шлем с металлической маской, из щелей которой на него глянули холодные и ничего не выражающие глаза. В голове парня мелькнула мысль о том, что люди не могут быть такими большими, мелькнула и пропала. А сзади раздался точно такой же, как и у этого чудовища, низкий бас:

– Он из города, брат. Откуда еще он может свалиться? Я провожу к Капитану.

Машина мотнула головой и полезла назад, на маленький грузовик, на крыше которого, среди прикрученных толстым канатом каких-то тюков, находилось незамеченное Енотом «гнездо».

– Долго пялиться будешь? – Голос сзади громыхнул немного недовольно.

Обернувшись, парень увидел перед собой точную копию живой башни, только что забравшийся на кузов грузовика. Абсолютно такую же. Только теперь ее можно было рассмотреть получше.

Массивная, кряжистая фигура, двух с небольшим метров ростом. Затянутая в плотно облегающий мощные мышцы комбинезон, сделанный из какой-то необычной ткани, кажущейся из-за мелкого рисунка еле уловимой глазом. Поверх, на нескольких толстых кожаных ремнях висели многочисленные под сумки, чехлы и бандольеры. Такое количество емкостей под боеприпасы объяснялось очень просто – живая махина с ног до головы увешалась оружием, да еще каким!

– Ты идешь, или передумал? – Великан чуть наклонился.

– Иду, конечно, иду. – Енот торопливо кивнул и пошел в сторону прохода между машинами, куда ткнула рука, по объему больше похожая на немаленькое бревно.

Человек-гигант тихо шел сзади, не позвякивая ни одной из многочисленных пряжек на ремнях собственной сбруи. Его присутствие сильно нервировало, заставляя молодого стражника чувствовать себя совсем не в своей тарелке. Таких больших людей ему никогда до этого видеть не доводилось. Но ведь все когда-то бывает в первый раз? Тем более что такие габариты невольно вызвали уважение, и Еноту даже представилось, как его сопровождающий расправляется с теми тварями, что убивали на улицах. В мыслях все это выглядело смазанным, но все равно понятным: отряд похожих друг на друга громил безжалостно и методично уничтожает ночных «серых», одного за другим. И он, Енот, героически идет рядом с ними, плечом к плечу.

Раздумья прекратились потоком мыльной воды, вылившейся Еноту под ноги и обдавшей начищенные носы новеньких ботинок грязными пятнами. Парень вздрогнул и оторвался от пустых мечтаний, стараясь понять – откуда это? Ответ оказался простым. Длинный рыжеватый мужик со свежесбрившими щеками молча, не подумав извиниться, покосился на него, стоял на металле ступенек одного из грузовиков. В руках он держал старый металлический таз, из которого, судя по всему, только что и выплеснул воду. Увидев, что Енот уставился на него, в свою очередь выкатил рыбы буркалы серо-бесцветных глаз. Молодой стражник не смог выдержать ничего не выражающего взгляда, и дернув щекой, пошел дальше

– Идем к транспортеру. – Пробасил здоровяк.

– Куда? – Енот недоуменно оглянулся.

– Который на гусеницах, – то ли ему показалось, то ли в голосе сопровождающего послышалась легкая и добрая усмешка, – никогда не видел, что ли?

– А-а-а... – протянул Енот. – Так бы сразу и сказал.

– Ну, извини. – Нет, но он точно улыбается под своей глухой маской.

– Эй, военный! – Со стороны так называемого транспортера раздался командный голос, и Енот обернулся в ту сторону, справедливо полагая, что обращаются именно к нему. Хоть это радовало, что «военный», а не «паренек» или что-то обиднее.

На выгоревшей от солнца траве, в тени, отбрасываемой механически монстром, стоял высокий, крепкий и чуть сутулый мужчина. Лицо, наполовину скрытое под тенью от козырька кепи, черный свитер с высоким горлом, несмотря на то, что солнце уже начало подниматься и теплело, серые форменные брюки, заправленные в явно дорогие и сшитые на заказ сапоги. На бедре, притянутая к нему ремнями и закрепленная еще и к широкому поясу, висела странного вида кобура, с таким же большим, как и у вчерашнего седого чистильщика, пистолетом с толстой рукоятью. Именно он и позвал Енота, кивком головы отправляя назад сопровождающего гиганта.

Подходя ближе, стало заметно, что мужчина, в отличие от Капитана, еще молод, не старше тридцати пяти – сорока лет. Густые и нахмуренные брови, внимательные и небольшие зеленые глаза под ними. Нос, когда-то и кем-то хорошенько свернутый на бок, да так и не выпрямленный до конца.

– Это тебя к нам прикомандировали?

– Да. – Парень невольно вытянулся перед ним, действуя по уже заученным рефлексам, включавшимся от приближения командира. – Рядовой городской стражи Енот.

– Вольно, боец, не в казарме. – Мужчина улынулся. Как-то по-доброму и мягко, что так не вязалось ни с его строгим командным тоном, ни с нахмуренными бровями. Как улыбался давно погибший отец, заваленный породой в забое, которого он помнил плохо, но все-таки помнил. – Я заместитель Капитана, зови Тундрой. По всем вопросам – обращайся ко мне.

– Так точно, господин Тундра!

– Тьфу ты... – Мужчина задумчиво потер подбородок. – Ты без надобности-то меня не господишь, а? Вот если Енот, косяк какой запорешь, то тогда тебе ни господин, ни даже сударь с сэром, не помогут. Так, что же мне с тобой делать-то? Кэп еще спит, также, как и парни с группы. О! А ты завтракал?

– Конечно. – После того, как он торопливо выпалил это, Енот сглотнул. Накормить его никто не удосужился, а он, придя ночью в казарму, абсолютно не подумал взять что-то на кухню. Сейчас голод давал о себе знать, правда, пока еще только тихим и ноющим червяком где-то глубоко. Но это Енот показывать не хотел, и так чувствовал себя не в своей тарелке. Да и вообще, ему хотелось доказать этим гостям, что ни одни они круты до невозможности. Так что показывать заместителю Командира собственное желание поесть – в планы не входило.

– Да? – Тундра с подозрением, как показалось Еноту, посмотрел на него. – Ну, как скажешь. Все равно придется подождать с делами, пока ребята не поедят, а завтрак сегодня поздний. Постой здесь, сейчас найду тебя гида.

– Кого?

– Сопровождающего и проводника. Тебе придется познакомиться со всеми участниками отряда, у меня времени на это не хватит. Да и нет его, времени-то.

– Понятно.

Заместитель Кэпа повернулся и пошел куда-то в сторону одного из больших грузовиков. Енот остался стоять там, где его попросили, и ему ничего не оставалось, кроме как крутить по сторонам головой и пытаться понять: как устроена жизнь у этих отличающихся от горожан людей. Посмотреть, кроме машин, само по себе было на что.

Как оказалось, в прямоугольнике, образованном машинами, чистильщики поставили палатки, оборудовали, судя по большой емкости, душевую и устроили полевую кухню со столовой, накрытые навесом из маскировочной сети. Все это со стороны совершенно не бросалось в глаза. Сеть, сделанная из толстых жгутов с нашитыми на них лоскутами ткани, накрывала почти все место стоянки сверху, будучи примотанной за специальные крепления на машинах. Внутри периметр лагеря охраняли несколько крупных собак, которые никак не реагировали на Енота, пока рядом находились члены отряда. Сейчас же одна из них, крупный серо-рыжеватый лохматый кобель, подошел и мягко плюхнулся на землю рядом с ним, лениво зевнув и прикрыв глаза. Зевок произвел на парня, мягко говоря, впечатление именно то, которого, как кажется, хотел добиться пес. Несмотря на наличие оружия, ему совершенно расхотелось шляться по лагерю в одиночку.

Людей в лагере практически не было. Торчал на крыше грузовика один из здоровяков. Второй затаился где-то снаружи, сейчас наверняка прикидываясь большим кустом. Из фургона, с подножки которого перед Енотом выплеснули воду, никто так и не появился. Только возле полевой кухни сутился худой, замызганный субъект, и там же, за занавесью из брезента мелькала невысокая пухленькая женщина. Тундра прошел мимо, перекинувшись с ними парой слов, и исчез во втором из высоких грузовиков. Так как делать пока было нечего, то Енот решил разобраться со своим вооружением, чем и не замедлил заняться, для начала сняв с плеча пистолет-пулемет.

Он действительно оказался давно используемым. Края затворной рамы блестели в тех местах, где по ним скользила подвижная часть механизма. На деревянном ложе и прикладе виднелись царапины и сколы. Ремень, правда, прицепили новый, из плотной ткани, еще не вытертой и не выцветшей. Прямой магазин рожкового типа, торчавший снизу, тоже не выгля-

дел новым. Черная краска, в которую его когда-то выкрасили на заводе, давно облупилась, и оставалась лишь редкими проплешинами на сером металле корпуса. Прицельная мушка стерлась сверху, от постоянной настройки, скорее всего. Но все равно, этот механизм даже на вид выглядел серьезнее и внушительнее длинной винтовки, с которой до этого Еноту приходилось ходить в караулы. Так что настроение стало чуть более приподнятым. Если уж и доведется повоевать с подземниками, то не придется думать о том, как быстрее перезарядить винтовку.

Увлечшись, он не заметил, как к нему подошли. Лишь когда тень упала прямо на рассматриваемый им кожух ствола, Енот поднял голову. И удивился тому, что, а вернее, кого, увидел перед собой.

Поразительного в том, что перед ним стояла совсем молоденькая девушка, конечно, ничего не было. А вот то, что она явно входила в состав отряда Капитана, сомнений не вызвало и заставило вытаращить на нее глаза. Хотя, даже внешний вид особы, тихо подкравшейся к нему, резко отличался не то, что от соседок по улице, но даже от дочек главных богатеев города.

Ростом почти с самого Енота, со стройной и гибкой фигуркой. Обтягивающие кожаные леггинсы, заправленные в высоченные ботинки с мощными носами, шнуровкой на грубых берцах и толстой подошвой, заставившей вспомнить о покрышках редких тракторов, что порой пригоняли на починку фермеры. Слишком большая по размеру куртка с множеством карманов и темно-красная водолазка. Худенькое лицо с тонким и красивым носом, явно подвижными губами и глазами зеленого цвета, с бегающими в их глубине бесенятами. Рыжие волосы заплетены во множество тонких косичек, поднятых вверх и придерживаемых на лбу какой-то мудреной штуковиной, напоминающей гибрид сварочной маски и бинокля. И, естественно, неизменный матовый пистолет в набедренной кобуре. Этому Енот уже даже и не удивился. Такая, видно, мода у них в отряде.

– Привет. – Девушка улыбнулась, наблюдая за его невольным замешательством.

– Здравствуйте. – Ляпнул парень, почувствовав, что начинает краснеть.

– Ну, здарсьте вам, – девица улыбнулась еще шире, – что так официально?

– Как-то так... – Он пожал плечами.

– Я – Медовая. Можешь звать Хани, если так будет удобнее. Будешь звать Медком, так заработаешь в лоб, понял?

– Понял. А я...

– А ты – Енот, и меня попросил за тобой приглядеть наш Тундра. Так что, господин рядовой, поступаю в мое полное распоряжение, до самого момента поступления новых указаний. Яволь?

– А? – В голову пришла мысль о том, насколько он глупо сейчас смотрится перед ней, откровенно создавая впечатление недалекого болвана.

– Ну, вот, не тормози, а? – Медовая покачала головой. – Давай хоть мазанись как-нибудь. Скажи, что сражен насмерть моей несравненной красотой, что ли... скажешь?

Енот отрицательно мотнул головой, на что особа в кожаных штанах скорчила недовольную гримаску:

– Мог хотя бы наврать для приличия. Ну, да и ладно. Ты ел с утра?

– Да, то есть – нет. – Енот еще больше, и еще мучительнее покраснел, да так, что сам почувствовал, как стали гореть уши. Но врать этой особе он почему-то не мог.

– Прав был Тундра. Хотя странно было бы, если б он был не прав. На то он и заместитель Кэпа. Тогда пошли на кухню, а уж потом примемся за дело. Ок?

Ну и что тут можно сказать в ответ? Осталось только мотнуть головой и согласиться, повесить оружие на плечо и пойти следом. Девушка деловито затопала в сторону навеса, торчавшего посреди лагеря. Тот самый рыже-серый пес также двинулся за ней. Правда, только

после того, как Енот сделал первые шаги. Видно волкодав, несмотря на ее присутствие, все равно не стал ему больше доверять.

Женщина, что-то делавшая за занавеской, оказалось действительно небольшого роста и полной. Вернее, пухленькой, причем очень приятно пухленькой. Что она старательно подчеркивала, не обращая внимания на все еще утреннюю свежесть и гордо выставив в глубоком вырезе сатиновой блузки весьма приятные признаки женственности. Кудрявые светлые волосы убраны под синюю косынку, чуть курносый нос в муке, также, как и красивые руки, с ямочками у локтей, открытых подвернутыми рукавами. Замызганного мужика, замеченного Енотом раньше – рядом не наблюдалось.

– Привет, Мамачоля. – Медовая радостно улыбнулась поварихе. – Настроение и бодрость духа?

– С добрым утром, коза. – Женщина улыбнулась, продемонстрировав ямочки еще и на щеках. – Что это с тобой за незнакомый мне юный худыш?

– А это местный. – Девушка приземлилась на скобленую деревянную скамью, стоявшую за большим столом. – Его нам прикомандировали, а Тундра поручил мне взять над ним шефство. Енот, это Мамачоля, наша добрая волшебница. Ну, а это, соответственно, Енот.

– Здравствуйте. – Парень аккуратно опустился на скамейку.

– Вот спасибо, и тебе быть здоровым. – Женщина дунула, отгоняя выбившуюся из-под косынки прядь, попавшую на глаза. – Местный, значит, это хорошо.

– Почему?

– Помочь сможешь там, где самим бы времени пришлось потратить много, и неизвестно – правильно ли. Ладно, что это я, трындю и трындю? Вы ведь голодные, наверное.

Последнее утверждение, как понял Енот, являлось не вопросом, а указанием к действию для самой поварихи.

Действовать она начала незамедлительно, для начала ловко поставив прямо перед сидящими за столом по тарелке с омлетом. И хотя приготовили его, если судить по цвету, из яичного порошка, но голодный желудок не замедлил радостно заворчать при его виде. Чуть позже туда же шлепнулись горячие котлеты, и стало ясно, почему нос у Мамачоли в муке. Вместо хлеба, правда, были галеты, но это праздник желудка испортить не могло. Напоследок прямо перед носом у Енота оказалась металлическая кружка с чем-то густого кремового цвета. Судя по запаху – кофе, хорошо разбавленный сгущенным молоком, так, как в последний раз ему делала мама. Тогда, в той жизни, когда еще был жив отец, и в семье водились деньги и хорошие продукты. Глаза предательски защипало, и он наклонился вперед, стараясь не показать и вида про то, что на них невольно выступили слезы.

– А ф чефо эфо у нас фдрух кофлефы, а? – С набитым ртом поинтересовалась Медовая. Икнула, и тут же глотнула кофе. – Откуда такое богатство, если в город никто вчера не ходил?

– Мерлин привез. – Хмыкнула повариха. – От благодарных крестьян, надо полагать. За то, что они, нарушив все возможные приказы Кэпа, гоняли по здешним полям волколаков.

– Молодцы ребята. – Девушка отставила тарелку. – Спасибо, дорогая, давно мне так вкусно не было.

– Да. – Енот поискал глазами место, где можно было бы помыть посуду. – Большое спасибо, очень вкусно, как мама делала.

– Да ты поставь, поставь прям здесь. Помоем. – Мамачоля внимательно посмотрела на парня. – А почему делала? Жива мама, или...

– Или. – Он кивнул головой. – Твари убили. Те самые, из-за которых вы сюда и приехали.

– Даже так? – Раздавшийся сзади хриплый голос Капитана заставил Енота вздрогнуть. – Значит, ты тем более нам нужен. И поможешь, и поквитаешься заодно. С добрым утром, красавицы мои.

Красавицы дружно поздоровались с командиром, который сел напротив Енота и повернулся к нему:

– Первую половину дня на знакомство с отрядом. Потом, скорее всего, пойдешь с учеными в город. Медовая как раз из наших головастика. Без обид, моя юная гениальность, без обид. Ты же знаешь, что если вы головастики, то мы никто иные, как безмозглые грубияны, задиры и драчуны. Все понял, парень?

– Да. – Енот согласно кивнул.

– Ну, вот и хорошо. Так, не надо мне есть накладывать, не хочу пока. Лучше еще кофе налей, Мама, будь добра.

Кэп взял в руки кружку, глубоко вдохнул запах и довольно зажмурился, мгновенно покрывшись многочисленными морщинами. Потом полез было в карман, но тут его взгляд остановился на чем-то позади Енота. Улыбка пропала, и Капитан, торопливо встав и не выпуская кружки, нырнул за натянутый брезент, не обращая внимания на остальных присутствующих. Как оказалось, никто, кроме стражника и не думал обращать на это внимания. Появившийся давешний доходяга, успевший обрядиться в чистое, и обе красавицы лишь понимающе переглянулись. Енот оглянулся, стараясь понять: что же могло спугнуть крутого Капитана?

К ним подходил длинный, одетый в комбинезон размера на два больше, чем нужно, тощий ландырь в очках с дужками, обмотанными изолентой.

– Доброе. – Буркнул он, присаживаясь. – Это мне показалось, или только что здесь был Кэп?

– Какой такой Кэп?! – Удивленно вытаращилась на ландыря Медовая. – Наш?

– Ай, ну тебя! – Очкастый устало махнул рукой и воззрился на ничего не понимающего стражника. – Что у нас тут за новый индивидуум? Местный, надо полагать?

– Так точно. – Енот внутренне напрягся, почему-то готовясь услышать что-то не очень приятное. Как оказалось, он нисколько не ошибся в собственных предположениях.

– После завтрака, и перед тем, как начнешь знакомиться с отрядом, зайдешь ко мне. – Нелепо одетый субъект строго посмотрел на него. – Обязательный медицинский осмотр. Как зовут?

– Енот.

– А меня Айболит, я местный врач. Ты, солдат, не обижайся, но даже твоя новая форма черт знает где пылилась перед тем, как тебе ее выдали. Не говоря про то, что в городе вашем, а тем более в казармах, наверняка жуткая антисанитария, чего мне в отряде не нужно. Куришь?

– Не-а...

– Хоть что-то радует. Вот! – Палец странноватого доктора уставился куда-то вверх. – Еще один нормальный человек среди нашего сборища тех, кто наплеватьски относится к собственному здоровью. Только попробуйте мне приучить его к сигаретам!!! И другим так и передайте, что Айболит каждому, кто только попытается это сделать, лично проверит простату.

Медовая фыркнула в кулак, поднесенный ко рту, подмигнула оторопевшему Еноту и, показав доктору язык, немедленно выудила из кармана пачку сигарет. Айболит недовольно поморщился и отвернулся от нее, все свое внимание обратив на тарелку с едой, незамедлительно поставленной перед ним умной Мамачолей. А к кухне подтягивались все новые и новые члены отряда, но рассматривать их не вышло. Потому как Медовая настойчиво потащила его за рукав в сторону одного из двух больших грузовиков с будками. Пес наконец-то отстал, расположившись у ног доброй поварихи.

К тому времени, когда скрипнула металлическая дверь кунга медицинского блока, и по металлическим ступеням вниз спустился Енот, Медовая успела скуричь несколько сигарет, помочь продолжившему с утра копать во внутренностях «скаута» Жуку с изучением проблем впрыска топлива и пару раз поскучать.

– Ну и чего ты так... – Ее негодующе сдвинутые брови медленно разошлись в стороны. – Ой, ты б-е-д-н-ы-ы-ы-й...

Вид у Енота был грустный. В глазах навернулись невольные слезы, одна щека чуть торчала в сторону, а слюна, которую он немедленно сплюнул, была красной. Девушка топталась рядом, не понимая, чем она сейчас может помочь.

Вместо получасового, обещанного Айболитом, осмотра, в кунге парень провел целых полтора часа. Для начала подошедший эскулап простучал, прощупал и осмотрел его со всех сторон. Симпатичная и строгая девушка, которую было велено называть Лисой, взяла у него забор крови, которую немедленно пустила на экспресс-анализ. Страшной пытки, обещанной всем, кто покусится на легкие Енота, к счастью для него самого, Айболит не провел. Заявил, что слишком молод тот для такого осмотра, на что Енот ни капли не обиделся. Но, когда он уже радостно собрался выйти на улицу, Айболит, что-то деловито вписывающий в картонную карту, молча ткнул пальцем по направлению незаметной двери, ведущей во вторую половину кунга.

А там городского стражника уже дожидался третий, и последний, из медиков отряда, представившийся коротко и емко: Хирургом. И вот тут-то начались настоящие неприятности. Енота усадили в крутящееся металлическое кресло, откинутае назад мощной и волосатой рукой хмурого здоровяка в зеленом фартуке, накинутом поверх вытертого до белизны защитного костюма. Подошедшая сзади Лиса незамедлительно включила яркую лампу и попросила парня открыть рот, запихнув туда какую-то изогнутую трубку.

Следующие сорок минут выпали долгими, мучительными и страшными. Садист Хирург, не обращавший на возмущения и неудачные попытки Енота слинять, никакого внимания, взялся за свое дело крепко и с чувством необходимого долга. В результате один из двух раскрошившихся зубов подвергли безжалостному расковыриванию металлическим инструментом с крючком на конце. После чего в ход пошло сверло и неприятно пахнущая замазка, которой врач-живодер залепил образовавшуюся дыру. Нельзя сказать, что Енот воспротивился пломбированию, так как зуб уже несколько раз доставлял ему немало проблем, а на услуги одного из трех городских дантистов, денег у него попросту не хватало. Но вот второй...

Результатом того, что сделал Хирург, была красная слюна, заторможенность от уколов обезболивающего, которые поначалу скупердяйка Лиса не хотела даже выдавать, металлический привкус во рту и кусок бинта, под которым чуть ныла развороченная десна и пустота на месте зуба. Почему-то Еноту стало грустно и жаль самого себя.

– Э-э-э... – Стоявшая рядом с ним Медовая подергала его за рукав. – Ну ладно тебе. Плохого же ничего с тобой не сделали, правда? Ну, подумаешь, выдернули зуб, это не смертельно. Заживет, и Хирург тебе что-нибудь придумает. А вообще они очень хорошие, и много раз жизни ребятам спасали.

– Да? – Енот присел на металлическую ступеньку.

– Угу. – Почувствовав, что парень заинтересовался, она устроилась рядом, поерзав своей подтянутой и худощавой пятой точкой по острым металлическим ребрам. – Как-то раз их так прижали, что группе рассыпаться пришлось. Так Мусорщик вытащил на себе Толстого, которому вскрыли бедро. Еле допер на себе, тащил несколько километров. У них тогда станция села, связь в шлемах тоже накрылась, и никто не знал, где искать нужно. Так он его дотащил, представляешь?! Толстого потом два часа Айболит с Хирургом резали и штопали, а Мусорщик сидел вот как ты, курил, злился и плакал. А ведь он никогда не плачет, никогда. Толстый потом месяц провалялся, и еще два учился заново ходить, и ничего, сейчас бегаёт также, как и раньше. Даже похудел тогда, но, если честно, сейчас уже опять отъелся. А если бы не врачи, то умер бы, вот.

– Понятно. – Енот вздохнул. – Слушай, а где эти ваши, которые самые крутые? Про Мерлина уже слышал, ты вот говоришь про каких-то там Толстого с Мусорщиком. Меня на входе встретили два таких здоровых парня...

– Это близнецы, Первый и Второй. Они в команду к Мерлину не входят, подчиняются только Капитану. Я тебе все расскажу, только сейчас нам с тобой нужно к нам, в лабораторию. Нас уже ждут.

– Кто?

– Мой командир, Инженер. Нас, ученых, пятеро, не считая его. Я, Файри, Ган, Фрост и Тракторист, вот. Хотя, мне до них еще далеко и в команде пока на птичьих правах.

– Ты давно с ними?

– Почти семь лет. Капитан вытащил меня совсем маленькой из пожара, который устроил...

– Капитан устроил?

– Нет. Неважно, кто устроил, короче, я там едва не задохнулась, а он меня вытащил. Сначала хотел оставить где-нибудь в приюте, но передумал. Уже три года в команде Инженера, помогаю, учусь.

Енот посмотрел на Медовую совершенно по-другому. Ведь если эта смешливая и задорная особа находится с чистильщиками, без малого, семь лет, то...

– Это сколько же ты увидела-то уже?

– Много. – Веко левого глаза у девушки еле заметно дернулось. – Даже слишком. Ладно, потом расскажу, пойдем в лабораторию.

И она направилась в сторону второго из вытянутых грузовиков-транспортёров, которые здесь называли «крузерами».

Металлическая дверь плавно отъехала в сторону, пропуская их внутрь. Парень зашел и немедленно закрутил головой по сторонам. Если в машине врачей все показалось знакомым, хотя порядок, который там присутствовал, его сильно удивил, то здесь интересовало все и даже больше. Посмотреть было на что.

Несмотря на потрепанный вид самого автомобиля, внутри оказалось чисто, сверкающе и стерильно. Во всяком случае, в том помещении, в которое они зашли, именно так и было. Как уже понял Енот, изнутри грузовики делились на три большие части, разграниченные металлическими переборками с дверями. Скорее всего, что прямо из кабины можно было попасть в первую «каюту», которая наверняка служила чем-то вроде дома для тех, кто жил и работал в этом автомобиле.

Через дверь, с мягким шипением уже вставшую на место, они попали в явно рабочий отсек. По стенам крепились большие металлические шкафы, посередине отсека находилось что-то типа большого стола. На стеллажах и высоких стойках, аккуратно и грамотно встроены длинную часть помещения, стояли какие-то хитрые приборы, назначение которых Енот не смог бы придумать, даже сильно захотев.

Возле одного из стеллажей сейчас стояли два человека, в серебристых комбинезонах из ткани с четким металлическим оттенком структуры. Яркий свет лампы падал куда-то на полку, на которую они сосредоточенно смотрели. Енот попробовал вспомнить: а видел ли он здесь что-то, хотя бы напоминающее источник энергии, но не смог. Один из стоящих повернулся в сторону двери, открыв взглядом Медовой и Енота большой прибор, в котором не без труда узнавался микроскоп, типа того, что был у одного из врачей городской больницы. Второй из стоявших у стеллажа, отвлекаться не стал, не обратив на вошедших никакого внимания. Первый же снял с лица марлевую повязку, закрывающую лицо и поднял на лоб почти такую же, как и у Медовой, странную штуку с торчавшими из нее окулярами.

Под маской обнаружился довольно молодой, но выглядевшего странно пожилым мужчиной. Причина «странности», аккуратно подстриженная борода, торчала в сторону Енота и его сопровождающей практически как полено. Кроме нее лицо украшалось породистым носом с горбинкой, кустистыми бровями и ярко-голубыми глазами, строго смотревшими из-за очков с толстыми стеклами.

– А-а-а, вот и наш новый юный друг, не так ли, милая моя Хани? – У мужчины был странный акцент, каких раньше Еноту не доводилось слышать. Слова он выговаривал так четко, что те казались рублеными. – Проходите, проходите, молодой человек и давайте-ка знакомиться. Как мне уже стало известно, вас величают Енотом, ни больше и не меньше, ведь так?

Парень кивнул головой, понимая, что ни то, как его зовут, ни род занятий, давно уже не тайна для всех, кто входил в отряд чистильщиков.

– Прекрасно, а я, стало быть, Инженер, или, как порой любят обращаться ко мне мои коллеги – Иван Сергеевич. Да, да, на суеверия, связанные с именами общественными и личными, внимания не обращаю. Но это к делу не относится, а стало быть, продолжим то, ради чего вы сюда пришли. Наш, с позволения сказать отдел, занимается научными изысканиями и разработками, призванными улучшить работу отряду.

Енот кивал, слушая его и поражаясь тому, насколько не только акцент, но и сама речь с поведением, отличаются от привычных и повседневных разговоров. Не говоря про то, что он взял, и запросто открыл незнакомому парню свое настоящее имя.

С самого детства взрослые учили: не говори своего имени никому. Только в семье, только своим. Даже друзьям, даже тем, кто постоянно рядом – никогда. Знают двое – знает свинья. А уж от нее-то имя вполне дойдет до хозяина Зла и его присных. Применение же настоящему имени человека те всегда отыщут. Тут и к гадалке не ходи. А этот – раз, и выложил. И кому? Еноту, первый раз увиденному пареньку из незнакомого города. Во дела!..

Краем глаза он успел заметить, как тихо прыснула Медовая, видимо наслаждаясь эффектом, произведенным личностью ее собственного начальника. А Инженер тем временем продолжал говорить, нисколько не смущаясь тем, что Енот даже и не пытался вставить хотя бы слово:

– Капитан поручил мне произвести первые исследования, касающиеся существ, что устраивают у вас в городе, э-э-э, беспорядки. Как нам стало известно, в городском морге должны находиться тела нескольких этих объектов нашего внимания. Так что вашим первым заданием, направленным на достижение нашего общего результата, будет то, что вы пойдете туда, чтобы взять пробы тканей, произвести замеры и съемку. При необходимости ткани нужно будет транспортировать в лагерь, для более серьезных исследований. С вами отправится Файри, сотрудница, сейчас заканчивающая работу во второй лаборатории. Так что вам остается только дожидаться ее, и отправляться в город. Все ясно, мои уважаемые юные друзья?

– Конечно, Иван Сергеевич. – Медовая кивнула головой. – А чего там делает Файри?

– А ты сходи, и посмотри. – Инженер натянул назад маску и опустил на глаза странное приспособление. Голос из-под маски сразу стал чуть глуховатым. – Она с Ганом за дверью, впрочем, как и обычно. Ты же знаешь, милая моя, что оружие ее привлекает даже больше, чем самого нашего оружейника.

Он отвернулся к полке, где молчавший на протяжении всего разговора второй коллега Медовой продолжал что-то изучать. Сейчас, к примеру, в руках у того находилась колба, одна из целой пирамиды, стоявшей под рукой, и наполненная чем-то ядовито-розового цвета. Большой хреновиной, похожей на шприц ветеринара, украшенной длиннющим пластиковым носом набрал из нее немного раствора и капнул на предмет исследований, находившийся под микроскопом. Все это сделал, не проявив никакого интереса к персоне Енота, что того немного покорибило.

– Это Фрост. – Сказала девушка, проследив за взглядом стражника, направленным на спину в блестящем комбинезоне. – Не обращай внимания, он хороший парень. Просто очень серьезно относится к тому, что делает. А так Фрост замечательный, умный и спокойный. И твоего возраста, как мне кажется, вы наверняка подружитесь. Пошли к Гану.

– Угу. – Енот с интересом посмотрел на нее, пытаясь понять: а сколько же лет ей самой? Он был готов спорить на что угодно, что они с ней ровесники. Ему сейчас почти двадцать. Девушка не выглядела моложе, хотя тут может быть играл роль тот факт, что изначально она казалась Еноту старше и опытней из-за того, с кем находилась и чем занималась. Ну, да и ладно, еще будет возможность узнать, сколько же лет этой, неплохой, в общем-то, девчонке.

Медовая подошла к большому люку, утопленному в перегородку, и нажала на кнопку коробки с мигающей красной лампочкой на корпусе:

– Ган, а Ган, к тебе можно заходить?

– Медовая, ты что ль, подруга? – Из динамика, скрытого где-то в недрах переговорного устройства, как понял Енот, раздался веселый бодрый голос. – Заходи, у нас тут та-а-а-к-о-о-е!!!

– Ну, ну. – Почему-то хмыкнула девушка, извлекла из кармана небольшую металлическую пластинку. – Заходим, осторожнее там, не прибежите ненароком.

Люк с шипением отошел в сторону. Енот шагнул следом за девушкой, вынужденно пригнувшись, чтобы ненароком не въехать затылком в пусть и прорезиненные, но, тем не менее, металлические края проема.

Внутри последний отсек ничем не напоминал предыдущий, разве что чистотой. Несмотря на похожие металлические шкафы по стенкам, те же самые стеллажи и большие ящики на полу. Вместо блестящего драгоценной нержавеющей, практически хирургического стола, здесь стоял грубо сваренный верстак, с несколькими тисками. К потоку прикреплены цепи, сейчас поднятые и закрепленные на металлических рейках. В одном углу складированы инструменты, похожие на те, что использовали в мастерских города. Там же стоял агрегат, который Еноту доводилось видеть один раз у Гайки. Та с его помощью сваривала швы на больших металлических емкостях, балках для фермерских теплиц и прочем хозяйстве, где нельзя воспользоваться болтами.

На стеллажах висело и лежало оружие. Много оружия, разного, похожего на то, что успел узнать Енот на службе и совершенно другого, виденного им впервые. Винтовки, пистолеты, пулеметы, похожие на те, что стояли на броневиках, но намного меньше по размерам. Что-то совсем странное, вроде непонятной конструкции, состоящей из шести крупных стволов, вставленных в кольца с прорезями и уходивших в кожух с перекладиной поверху. Или громадной винтовки с массивным приспособлением на ней, сильно смахивающим на наблюдательную трубу, вроде той, что выдавались стражникам на дежурство.

У верстака стояли еще двое из оставшихся коллег Медовой: мужчина и женщина. Оба среднего роста, что заставило удивиться стражника, уже привыкшего к тому, что большинство членов отряда высокие по определению. Хотя отличались они не только ростом.

Мужчина, сейчас смотревший на Енота заинтересованно и дружелюбно, к его еще большому удивлению, казался совершенно заросшим и растрепанным. Кудрявые русые волосы с огненной рыжиной торчали задорными вихрами, также, как и выющаяся борода. Широкие камуфлированные брюки, замасленные и потертые на коленях, разношенные кожаные туфли, похожие на те, в которых господин мэр любил играть в теннис на специально сделанном корте за администрацией. Целых два неизменных пистолета, как бы компенсирующих отсутствие оружия у Инженера. Сейчас Ган, как назвала его Медовая, вытирал руки, измазанные в темном и резко пахнущем желе солидола.

Рядом с ним, глядя на стражника взглядом, абсолютно противоположным по вложенным в него эмоциям, стояла молодая женщина, увидев которую он понял, что его сопровождающая

выглядит не так уж и странно и вызывающе. А судя по реакции Медовой, та тоже слегка удивилась:

– Вау, обалдеть-не встать, Файри! – Девушка завистливо присвистнула. – Ты где такой костюмец отхватила, а? Я валяюсь, хочу такой же, дайте два, махнусь не глядя!

Женщина чуть улыбнулась, глядя на реакцию девушки, и сразу же подобрела, перестав смотреть на Енота с холодным и оценивающим видом. Он же, в свою очередь, продолжил пялиться на нее, благо оно того стоило.

Во-первых – самая идеальная фигура из тех, что ему довелось видеть. Несмотря на плечи, развитые намного сильнее, чем у городских красавиц, и живот, такой плоский, что Еноту даже стало стыдно за самого себя. Все это он заметил лишь из-за того самого костюма, вызвавшего бурную реакцию Медовой. Черный и кожаный, матово отсвечивающий в ярком свете ламп, с вставками красного цвета на плечах, коленях и локтях. Сидел он на женщине в облипochку, подчеркивая высокую грудь, тонкую и гибкую талию и прочее, также достойное обтягивания.

Во-вторых – Файри была лысой. Абсолютно голая кожа головы, покрытая вязью странно-ломанной, но красивой татуировки привлекала внимание даже больше, чем все остальное. Не говоря о ее лице с полными темными губами, тонким прямым носом и большими карими глазами с пушистыми ресницами. Енот невольно почувствовал, как сердце заколотилось сильнее, и чуть вспотели ладони. Судя по всему, он выглядел достаточно комично, так как женщина неожиданно прыснула со смеху, к ней присоединился, нисколько не смущаясь, оружейник Ган. Медовая недоуменно покосилась на них, потом посмотрела на парня, с которым проваландалась все утро и понимающе хмыкнула.

– Короче, други, вот это Енот. А это Ган, наш мастер-оружейник и, как ты уже, наверное, понял, наша красавица Файри.

– Здравствуйте. – Проямлил представляемый, стараясь не коситься в сторону высокого бюста женщины. Что оказалось очень сложно, потому что его так коварно подчеркивала кожа костюма. Почему-то ему стало стыдно перед своей сопровождающей, но пока Енот не понимал, почему?

– Так откуда костюм-то? – Поинтересовалась Медовая, вскарабкавшись на верстак, закуривая и непринужденно болтая ногами.

– Да это долгая история. – Файри подошла к одной из полок, накинув брезент на что-то, чего не успел рассмотреть Енот. – Ты, наверное, за мной?

– Ога. – Девушка старательно выпустила колечко. – Сергеич сказал брать тебя и идти в город. В морг, во как.

– А Фрост занят, что ли? – Недовольно поморщилась Файри. – Ненавижу за покойниками шлаться...

– Эт точно. – Хохотнул Ган. – Делать ты их умеешь, а вот как возиться, то на-ка выкуси. Привыкай к ее манерам, парень. И заруби на носу, что наша красавица очень опасна, несмотря на то, что не носит оружие. Оба-на, землячок, а что это у тебя за кочерыжка такая, дай-ка посмотреть.

Енот не успел обидеться на такое пренебрежительное отношение к его оружию, как оружейник оказался рядом, сам снял с его плеча ствол, болтающийся на ремне и начал крутить в руках.

– А ничего так машинка. – Ган отвел затвор и заглянул внутрь. – Ты, вот что, оставь-ка его мне. Тебе, один хрен, щас придется на себе рюкзак тащить. А он тяжелый. Жук ведь не сделал «скаут», да, сестренка?

– Точно, брат. – Медовая затушила сигарету о верстак. – С утра ковыряется. Карбюратор не сосает, маховик земля бросает.

– Демон, а не механ. – Сплюнул Ган. – Придется идти помогать. Ладно, уважаемые други, пора собираться. Вы давайте-ка, выметайтесь уже из моей богадельни. Дядя Ган закрывает

лавочку и идет спасать механа Жука от гнева Капитана, который наверняка скоро начнет карать Жука за то, что транспорт не на ходу.

– А чего вы тут делали, а? – Как бы невзначай, совершенно скучным тоном поинтересовалась девушка.

– Потом скажу. Много будешь знать, скорее морщинки появятся. Енот, твоим стволом займусь вечером. Надеюсь, что к тебе не придерутся твои командиры, если увидят без вверенного оружия. Если что, так скажи, что Капитан дал указание его сделать более хорошим, адаптировать, так сказать, под условия задания. А я из него тебе конфетку сделаю.

Через полчаса Енот, Файри и Медовая уже входили в городские ворота. На спине парня висел большой и действительно тяжелый рюкзак с контейнером. Его им выдал невозмутимый Фрост, так и не снявший маску. Провожаемые завистливыми взглядами караульных, косившихся на покачивающиеся под матовой черной кожей ягоды Файри, они пошли по направлению к единственной на всю округу больнице.

Глава четвертая: странности, а также Мерлин, Варяг и другие

«Путь Воина подобен полету пули, ибо так же смертоносен.
Путь Воина подобен удару клинка, ибо также молниеносен.
Путь Воина подобен ласкам женщины, ибо также сладок.
Но более всего он подобен путям праведника и мученика,
Ибо также тяжел он и страшен»
Книга св. Мэдмакса (апокриф)

Желтое здание больницы уже виднелось в конце улицы, и это было хорошо. Хотя солнце даже и не подумало выглянуть из-за неожиданно плотных серых туч, накатила жара. Контейнер, казалось, все тяжелел, и Енот чувствовал, как по его спине расплзается темное пятно от пота. Именно поэтому очень хотелось быстрее дойти и снять с себя эту тяжесть.

А еще приходилось старательно обманывать двух самых интересных женщин из всех, что пока встречались в его короткой жизни и пыхтеть потише. Страшно ведь представить: они могут посчитать его за слабака!!!

Потому приходилось идти с гордо выпрямленной спиной и не сделать ни одной остановки, хотя Файри, сразу ставшая неформальным лидером группы, уже два раза предлагала передохнуть. Он только отнекивался и вытирал пот на лице, а спорить женщина не стала.

Странно, но в лагере чистильщиков Енот пробыл всего несколько часов и уже успел отвыкнуть от давящей тяжести в городе. Встреченные прохожие торопливо шли по каким-то делам и даже сейчас, днем, постоянно озирались по сторонам с испуганным видом. Как уже успел понять Енот, ночью опять что-то случилось. Хотя по дороге им не попало патрульных, после ночных нападений начавших ходить по улицам и при солнечном свете. В лагере этого не чувствовалось, и он уже забыл забыть это неприятное чувство. Да что говорить, у чистильщиков вообще все было странным и очень мало похожим на жизнь в городе. Как будто вынырнул из ниоткуда кусок прошлого, про которое так любили поговорить глубокие старики, еще помнившие свое детство, оставшееся сразу за Полуночной войной.

– У меня при себе предписание, с подписью кого-то из вашей администрации. – Файри повернулась к нему. – Но что-то мне не хочется ей сразу махать перед носом у ваших врачей. Кто там главный?

– Соленый, он главврач, и хирург. – Енот еле отдышался, прежде чем ей ответить. Медовая покосилась на него с неожиданной жалостью, что заставило его, в который уже раз за сегодня, заливаться краской.

«Что за напасть, – подумалось парню, – и почему я так на нее реагирую? Обычная девчонка, разве что одетая чересчур выпендрожно. Тьфу ты, пропасть».

– Разумный мужик? – Файри внимательно посмотрела на него.

– Да откуда же я знаю? – Он пожал, насколько позволяли лямки, плечами. – Говорят, что он очень жадный. Видел его всего несколько раз, потому что в страже и патруле осмотры проводит его зам.

– Понятно. – Женщина чуть прикусила губу. – Это плохо, что жадный.

– Почему?

– Да потому что хрен чего сделает просто так. Это, Енотище, жизненный опыт. Ему, скорее всего, глубоко наплевать на то, что мы собираемся делать и то, что творится на улицах по ночам. Есть такая порода людей, которым накласть на других, пока им самим жареный петух в зад не наподдаст как следует. Ладно, посмотрим.

В темном коридоре больницы, освещаемом только масляными светильниками, толпилось много народа. В душном воздухе висели ароматы лука, конского пота, навоза и деревенской махорки напополам с перегаром. Ну да, фермеры и ранчеры, приехавшие на редкие приемы с кучей своих отпрысков. Было много беременных крестьянок, и Енот обратил внимание на то, что Файри покосилась на них с завистью в глазах. Это удивило, и достаточно сильно. Городских тоже толпилось немало, ему даже помахали соседи с улицы, на которой он раньше жил.

– А почему светильники на масле? – Поинтересовалась любопытная Медовая. – У вас разве нет электричества?

– Электростанция одна, мощности не хватает, и в основном работает на мастерские, склады администрации, операционные здесь и на шахты. Даже в казармах у нас в основном свет такой же, не говоря про дома и улицы.

– Мда уж. – Протянула девушка. – Это нехорошо.

– Какая нам разница, Хани? – Файри покрутила головой, пытаясь понять, кто сможет им помочь. – Про жителей администрация думать должна, а наше дело всяких уродов истреблять. Стойте здесь, я сейчас.

Она пошла к стойке регистратуры, за которой сидела одинокая пожилая медсестра, временами покрикивающая на наиболее напирających больных. Толчком ладони подвинула в сторону нависавшего над теткой здорового и, судя по добротной одежде, зажиточного фермера в широкополой шляпе. Тот развернулся в ее сторону, готовясь открыть рот с явной охотой наехать на Файри. Краем глаза Енот заметил, как рука Медовой метнулась к кобуре, отстегнув ляжку державшую пистолет. На его лбу мгновенно выступил только что пропавший пот, а перед глазами мелькнула картина пальбы, устроенной валькириями-чистильщицами.

К счастью обошлось. То ли детина успел сообразить, что не стоит связываться с лысой девкой с тагуировкой на башке, то ли краем глаза увидел, что Медовая, стоящая напротив него, потянулась к пистолету. А может и понял, что толкнувшая его нахалка пришла с парнем в форме стражи. Кто знает? Во всяком случае, он не стал тянуться к рубчатой рукояти револьвера, висевшего на поясе, и подвинулся, пропуская Файри.

Женщина облокотилась на стойку, покрытую темными самодельными морилкой и лаком «под дуб». Медсестра подслеповато и недоуменно уставилась на нее:

– Мне нужно к главному врачу. – Голос чистильщицы разрезал повисшую тишину.

– Простите? – Медсестра удивленно подняла вверх бровь. – Господин Солёный принимает только в начале недели и по предварительной записи.

– А мы не на прием, дорогуша, – Файри мило и хищно улыбнулась. – Нас ваш мэр к нему послал. Так куда нам?

– По коридору и на второй этаж. – Голос тетки обиженно вздрогнул.

– Спасибо. – Файри повернулась к Еноту и Медовой. – Пошли, ребятки.

И пошла в указанную сторону, не обращая никакого внимания ни на ворчавшую за стойкой тетку, ни на крестьян, живо принявшихся обсуждать хамское поведение лысой лахудры. Следом за ней двинулись и «ребятки», причем Енот поневоле втянул голову, понимая, что ему то регистраторша точно припомнит все это позже.

В конце плохо освещаемого коридора с рядом стареньких дверей, скрипящими досками пола и с непонятными запахами от медикаментов, находилась лестница с растрескавшимися ступеньками. Бодро простучав по ней каблуками, Файри взбежала на второй этаж. Следом за ней, громко топая нерастоптанными ботинками, поднялся Енот. Ему хотелось ворчать и ругаться, так как радость от полученной обуви давно испарилась, оставив вместо себя только саднящие мозоли на ногах. Парень был готов побиться об заклад, что на пятках у него абсолютно точно есть большие, стертые до крови круги кожи. И это поневоле не поднимало настроения и заставляло игнорировать довольную юную чистильщицу, идущую следом. Медовая под-

нялась последней, очень довольная тем, что случилось внизу и насвистывавшая что-то себе под нос.

Обтянутая черной кожей фигура замерла возле самой представительной двери на втором этаже, украшенной блестящей медной табличкой с надписью, гласившей о том, что за ней находился главный врач. Чуть задержалась, отстучав по деревянному полотну быстрый и сильный ритмичный стук. И зашла, не дождавшись никакого ответа. Енот вздохнул очередному проявлению бесцеремонности и пошел следом.

Соленый, вольготно раскинувшийся в большом кресле, стоявшим за столом весьма солидного размера, взбешенно уставился на вошедших в его кабинет. И по большому счету Енот его понимал. Ну, а кто не разозлится, если к нему запрутся без разрешения в такой ответственный момент?

Когда Файри с сопровождающими зашла в кабинет, то главврач, высокий и уже успевший, к своим тридцати годам, заплыть солидным жирком мужик был очень занят. Он тискал какую-то дебилую девушку, откровенно смахивающую на тех, что работали в домиках с красными фонарями, расположенных на улице Роз. Свет электрической, как ни странно, лампы, хорошо освещал его вспотевший высокий лоб с большими залысинами, сильные волосатые руки и оттопыренные уши. Само же лицо полностью скрывали белые здоровущие груди, между которыми оно и находилось. Господин Соленый отвлекся от этого увлекательного занятия только после того, как Файри еще раз громко постучала, но теперь уже по косяку.

А теперь, после того как девушка, несколько не смущаясь, лениво сползла с его коленей и принялась прятать внушающий уважение бюст в лиф корсета, главврач начал наливать нездоровым румянцем и явно собирался начать орать. Файри резко пресекла возможную попытку поднятия крика, с размаху шлепнув на стол бумагу за подписью мэра Бати. На что Соленый только и смог, что захлопнуть уже открывшийся рот, и сейчас сидел, ворочая глазами.

Проститутка, а сомнений это не вызывало, вопросительно посмотрела на него, величаво хлопнув пушистыми ресницами. Бедняга Енот, уже натерпевшийся за день от незнакомых и красивых женщин, старался не смотреть в ее сторону, дабы снова не залиться краской. Несмотря на внушительные габариты мадам, ее это либо не портило, либо грамотно и старательно скрывалось одеждой. Во всяком случае, парень успел разглядеть и большую, слегка отвисшую грудь с крупными сосками, и гладкие икры с широкими бедрами, затянутыми в сетчатые чулки, перед тем, как их скрыло зеленое с красными вставками платье. Но, учитывая глубокое открытое декольте на груди и высокие разрезы юбки, он старался не смотреть. К его счастью девушка вышла, потрепав на прощание врача по плечу и все-таки подмигнув напоследок Еноту. Тот зарделся, а Медовая хмыкнула.

Проводив раздраженным взглядом роскошь в зеленом, Соленый развернулся в их сторону, нахмутив кустистые брови, еще раз пробежался взглядом по бумаге мэра. Открыл ящик стола и достал из него короткую и толстую сигару, откусил кончик. Сплюнув его куда-то в угол, прикурил, наполнив свой кабинет ароматом ванили и клубами сизого дыма:

– Ну и что я для вас должен сделать такого срочного, что терпелу не хватило подождать немного, а? Я к вам обращаюсь, госпожа не знаю, как по имени, но с тату на голове. Что надо?

Файри ногой пододвинула к себе один из стульев, стоявших у стола, уселась, откинувшись на спинку, закинув ногу на ногу и расстегнув клепки верхней части костюма. Соленый сглотнул слюну и занялся рассматриванием выцветшего натюрморта с битой дичью в охотничьем интерьере.

– У вас в морге находятся тела нападавших монстров. Так?

– С чего это вдруг? – Врач покосился в сторону женщины.

– Разве нет?

– Ну... – Соленый покопался и извлек из того же ящика стола стеклянную прямоугольную бутылку с плотной граненой пробкой. Поставил на стол, извлек из недр стола еще и два чуть запыленных стакана, досадливо поцокал языком, рассматривая их на свет. – Будете? Это виски, мальт... то есть, солодовый, очень хороший, привезенный по заказу.

– Мне известно, уважаемый эскулап, что такое односолодовый виски. Предпочитаю купаж. Нет, спасибо. – Файри отрицательно махнула головой. – Так что с телами?

– Как хотите... – Протянул врач. – От черт, сигара потухла. Сейчас, прикур...

Женщина нагнулась вперед, подняла руку под самый нос Соленого, и сотворила нечто: на кончике ухоженного, с аккуратно нанесенным красным лаком, пальца – вспыхнул огонек. Врач автоматически прикурил, после чего выпучил глаза и закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Еще раз, господин главный врач... – Файри вернулась в прежнее положение. – Есть ли в холодильнике тела?

Енот, все это время терпеливо, в отличие от нахально плюхнувшейся на еще один стул Хани, стоявший в углу, почувствовал, как по спине вновь потек пот. Только на этот раз – от удивления, смешанного с испугом. Ему сейчас очень хотелось, чтобы все, что он видел, было лишь каким-то хитрым фокусом. Парню доводилось слышать про людей, обладавших необычными способностями, это после Полночной войны вовсе не в диковинку, но такое?! Чтобы зажечь огонь на пальце?!

В паре часов езды от города, находилось большое озеро и сложная система прудов карпятников. Владело всем этим семейство Бобров, большое и сильное. У них, в качестве работников, служили два брата, могущие часами находиться под водой. Их Енот видел в свою одну единственную поездку туда, когда еще был жив отец, купивший с друзьями лицензию на несколько часов рыбалки и вывезших семьи на отдых. Он помнил, как вместе со своим другом, Головастиком, до смерти перепугался, когда рядом с ними, ковырявшимися с песком на берегу, вынырнул один из этих парней. Худой, покрытой чешуйчатой зеленоватой кожей, с перепонками между пальцев на руках. Ноги его они так и не увидели, так как на их вопли прибежало несколько уже подпивших мужиков-шахтеров, сразу кинувшихся на существо. И как потом, довольно долго, пьяные шахтеры ссорились с примчавшимися охранниками, в конце концов, выпроводивших всю компанию и не вернувших денег.

В городе как-то раз даже казнили судом Линча одного из obsługi купеческого каравана, которого выдала проститутка, увидевшая его без одежды. Парень с плеч и до пяток зарос густыми черными волосами, которым не хватало лишь немного длины для того, чтобы их можно было называть шерстью. Его повесили за воротами, на специально сколоченном помосте, наплевав на то, что он просил сжалиться. Купцы же то ли не захотели вмешиваться, то ли побоялись гнева толпы, принявшей безобидного, в общем-то, парня, за оборотня.

А тут, на его глазах, Файри выдает такое... да уж. Есть от чего мгновенно вспотеть. Судя по забегавшим и испуганным глазам Соленого, тот подумал то же самое. Но Файри, развалившись в стуле, лишь улыбнулась, глядя на то, как на глазах белеет лицо врача.

– У меня лицензия, дорогой доктор, подписанная в Комитете внутренней безопасности Альянса пяти городов «Звезда». Так что не стоит вам нервничать. Показать документ?

– Нет, не стоит. – Он схватил стакан и выпил одним махом. – Так что вам нужно?

– Хм... вроде вы такой молодой, господин Соленый, а память уже отказывает, аяй. – Женщина еще раз, ласково и обворожительно улыбнулась и наклонилась вперед, практически ложась грудью на стол. – Тела-а-а-а...

– А... да. – Соленый еще раз сглотнул, чуть отодвинувшись назад всей своей массивной тушей, но снова смотря на то, что виднелось в расстегнутом костюме чистильщицы. – Так это самое, сжечь их пришлось, да-да. Неожиданно начали это... разлагаться.

– Да что вы говорите? – В голосе женщины резко и четко осязаемо появились нотки недоверия. – В холодильнике морга? Разлагаться? Это как же так?

– А вот так. – Врач выпрямился в кресле. – Странно, что вам не рассказали этого в администрации. Аварийное отключение электричества, у нас ведь очень изношенное оборудование, знаете ли. И все, пришлось сжигать.

– Все полностью? – Файри чуть сжала кулаки.

– Именно. – Соленый грустно вздохнул и развел руками. – Так что, уважаемая, никак и ничем не смогу вам помочь. Если что-то другое, так мы, так сказать, завсегда пожалуйста.

– И неужели у вас не сохранилось ничего, что касается этого? Никто не делал вскрытие, не записывал результаты исследований?

– А-а-а... ну это есть, а как же. – Врач встал и прошел в сторону высокого бюро в углу. Открыл его резную крышку, чуть покопался и достал тонкую картонную папку. – Расписку напишете, о том, что взяли попользоваться? Даю только с возвратом.

И подвинул к сидящей женщине письменный прибор из малахита и лист бумаги. Гладкой, белой, с глубоким сливочным оттенком, дорожкой бумаги. Файри внимательно посмотрела на него, потом взяла ручку, макнула в чернильницу и что-то начала писать. Потом резко встала, взяла папку и направилась к двери.

– Э... уважаемая... – Протянул Соленый.

– Да? – Файри обернулась, чуть задев двинувшегося вперед Енота, и тот был готов провалиться под землю, потому как задело его то, что нисколько не скрывал расстегнутый верх костюма. Что за напасть-то такая сегодня?! – Вы что-то хотели еще, господин Соленый?

– М-да... – Он чуть помялся. – Может быть, мы могли бы с вами, ну...

– Не могли бы. – Женщина нахмурилась. – И лучше не продолжайте. Ведь вам куда как проще обратиться за подобными услугами к тем, кто ими зарабатывает. А если при встрече вне стен вашей больницы, будете также на меня пялиться, то я вам что-нибудь сломаю. Ясно?

И, не дожидаясь ответа, она вышла. Енот, перешагивая порог, оглянулся: Соленый смотрел в их сторону злыми и немного растерянными глазами.

– Хрень какая-то... – Файри ругалась себе под нос, стоя под козырьком из кровельной жести, что висел над входом больницы. Пока они находились внутри, снаружи неожиданно потемнело, пошел дождь. Судя по количеству и ширине луж, очень даже неслабый. Пришлось стоять под козырьком и терпеливо ожидать его окончания. Файри наотрез отказалась возвращаться внутрь, где воздух стал спертый, с устойчивым букетом запахов, принесенных с собой жаждавшими медицины сельскими жителями. – Подсунул полный фуфломидин какой-то, козлина жирный.

– Ты чего ругаешься, подруга? – Медовая, прислонившись спиной к столбу навеса и меланхолично курившая, заинтересованно посмотрела на женщину.

– Да потому что нет здесь ничего нужного! – Файри сплюнула. – Так...треп один и бла-бла-бла. Такое ощущение, что нагромождено одно на другое, и ничего больше. Покажу, конечно, Айболиту, пусть скажет, что думает. Странно...

– Что именно? – Енот непонимающе посмотрел на нее.

– Да так. Ладно, это я, скорее, сама с собой. Слушай, парень, а есть где поблизости пожрать? А то, ведь мы с Ганом с утра так и не поели.

– Есть, конечно. Вон на том перекрестке корчма Боровика, кормят там недорого и вкусно. Только вот...

– А? – Файри чуть приподняла одну бровь.

– Там шахтеры наверняка. Сейчас же уже далеко за полдень, так точно они там сидят.

– И что?

– Драться наверняка будут, и это... – Енот чуть замялся. – Приставать станут, стопудово.

– Удивил прямо. – Женщина улыбнулась, очень ласково и нежно. – Пусть пристают, лишь бы кабачок был застрахован...на случай пожара. Пошли, наш верный рыцарь, дождь закончился.

И они пошли в сторону перекрестка: обтянутая блестящей черной кожей, гордо выпрямившая спину Файри, неожиданно замолчавшая и ставшая задумчивой Медовая, и хромающий и матерящийся про себя Енот. Благо, что идти оставалось всего ничего, а у доброго толстяка Боровика всегда найдется пластырь. Аптечка в его заведении присутствовала постоянно, так как некуда деваться от того, что в нем любили подраться. С одной стороны сплошные убытки, а с другой постоянная клиентура.

Ага, именно так и есть... постоянная. Пусть, и любящая почесать кулаки друг о друга, но зато исправно оплачивающая ущерб любимому заведению, да и просто – самая денежная в городе. Так что на кусок пластыря можно надеяться. В голове Енота так и виделся благословенный миг, когда он сможет, наконец, снять ботинки и залепить многострадальные пятки. И еще нужно обязательно зайти на обратном пути в казарму и забрать свои старые сапоги. По барабану, что выглядят они не так хорошо, как те орудия пытки, что сейчас на ногах, зато в них можно спокойно ходить.

Эти мысли настолько забили ему голову, что он не обращал внимания ни на что вокруг, забыв про то, что ему говорили на инструктаже утром. И даже перестал обращать внимание на обеих особ женского пола, на которых утром смотрел без остановки. Они же, тем временем, шли бок о бок, и о чем-то тихо разговаривали. Когда Енот очнулся от тягостных размышлений о своей нелегкой доле, и решил поравняться с ними, то услышал только обсуждение какого-то Чунга-Чанги. Кто это такой ему еще не было известно, и, соответственно, абсолютно неинтересно. И все же, на какой-то момент показалось, что перед этим в их разговоре промелькнуло упоминание его собственного имени и Соленого. Хотя, может быть, именно что показалось.

А дверь заведения Боровика, гордо именовавшегося салуном «Белая дикая лошадь», уже показалась впереди. Двухэтажный кирпичный дом стоял на самом перекрестке Тополиной и Третьей улиц. Третья, одна из самых первых в городе, уходила в его старую часть. Глядя на нее, Енот тихо вздохнул. Совсем недавно он жил там, только на Пятой, со своей семьей. После их смерти дом за долги забрал Тарантул, местный ростовщик, к которому матери пришлось влезть в кабалу после смерти отца.

Файри толкнула невысокую дверцу, сколоченную из грубо обструганных рубанком досок-горбылей, и первой вошла внутрь. Енот шагнул следом за Медовой, окунулся в густую смесь запахов, пригляделся, и понял, что его самые плохие предположения запросто смогут сбыться.

Почти все столы внутри большого прямоугольного помещения были заняты. И если в углу, бывшем самым ближним к двери, сидели обычные горожане, то остальные занимали горняки. Они бросались в глаза сразу: бледные лица, отстиранные рабочие комбинезоны, ставшие их второй кожей, тяжелые грубые ботинки на ногах. Хриплые и пьяные голоса, дым коромыслом и очень много бутылок на столах. Прислуга у Боровика уже давно состояла из молодых парней, чтобы снизить варианты пьяных домогательств, стриптизерши работали лишь вечером. Этот пункт по времени ввели недавно, согласно одного из распоряжений мэра, добивающегося хотя бы вида соблюдения нравственности, как того требовали предписания из Пяти городов. Стоит ли говорить, что появление их троицы, и в первую очередь Файри, застегнувшей лишь две самых нижних клепки, сразу же привлекло внимание?

Женщина окинула взглядом помещение, выискивая свободный стол. Еноту захотелось скрестить пальцы в надежде на то, что она выберет один из вроде бы освобождавшихся столов у входа. Не выгорело. Проигнорировав пьяные, липкие и жадные взгляды, она проследовала в самый центр зала, заприметив именно там свободное место. Медовая тронулась за ней, стараясь держаться также независимо. Но парень уже успел заметить, что она чуть согнула правую

руку, готовясь одним движением выхватить пистолет из кобуры. Когда девушка расстегнула ляжку, державшую его, Енот не заметил. Сам он запоздало подумал, лоя на себе оценивающие взгляды, что стоило сделать такую же вещь еще на улице. Раз уж не получилось отговорить чистильщицу от захода в салун. Теперь, скорее всего, придется расхлебывать неприятности.

К ним с трудом подошел официант, молодой парнишка, возраста Енота. С трудом, потому что большинство сидевших за соседними столами уже развернулись к ним, откровенно разглядывая обеих женщин и игнорируя как факт присутствия солдата городской стражи, так и наличие двух пистолетов на троих. Уровень градуса алкоголя, судя по блестящим голосам и восхищенному мату в адрес Файри и чуть менее восхищенному, обращенному к Медовой, был заметен без вооруженного взгляда.

– Вот это сиськи, Борода!

– Да, че сиськи, ты корму видел?

– Ага, за нее бы подержаться, как следует, а, Носач?!

– А вторая тощенькая, как коленка у Лома...

– И че? Такие, знаш, как подмахивают?

И так далее. Енот почувствовал, кроме страха перед этими бородатými «хозяевами» города, ошалевших за месяц работы в шахтах, в нем начала пульсировать злость. Он поднял покрасневшее лицо на Медовую, увидел сдвинувшиеся тонкие брови и побелевшие от ярости губы. А вот Файри сидела абсолютно невозмутимо, иронично поглядывая вокруг и покачивая носком сапога из стороны в сторону. Официант нагнулся к ней, но что она ему говорила, скрыл поднявшийся ор с гамом.

Действия горняков начались даже до того, как им принесли поесть. Вначале на столе возникли три стеклянных стакана и чуть пыльная глиняная бутылка. Лишь когда пробка туго и со скрипом вышла из горлышка, и в стаканы потекло красное вино, привезенное откуда-то с юга, очень дорогое... только тогда первый бородач решил подойти.

Тощий и длинный, с мешком висящем на нем комбинезоне, он подошел к столу. Ногой подвинул свободный стул и плюхнулся на него, оказавшись между Файри и Медовой:

– Значитца, эта... здравствуйте, красавицы.

– И тебе не хворать. – Файри подняла бокал и чуть отпила, проведя языком по верхней губе, слизывая каплю. Шахтер прокашлялся и продолжил:

– Мы, значитца, тута с ребятами сидим. Скушно нам, значитца, без ба... э-э-э, дам.

– Ну, так валите с ребятами домой. – Неожиданно посоветовала ему Медовая, чуть сморщив тонкий нос. – К женам с детьми. Небось заждались вас, пока смена была. И нечего в кабаке штаны просиживать, и зарплату пропивать.

– Чо?! – Бородач повернулся к ней и неожиданно загоготал, подмигнув товарищам. – Ишь, какая нахальная то, ага, ребята? Слышь, красотка, ты, значитца, раз такая умная, то мож сама поймешь почему мы здесь, а?

И приобнял девушка свободной рукой. Енот дернулся к кобуре, и почувствовал, как запястье как будто зажали в тиски. Посмотрел вниз и увидел мощную лапищу, сжавшую ее, почуял перегар, идущий из-за спины, и понял, что он есть никто иной как полный лопух и говнар. Потому как-то, что сейчас начнется, в лучшем случае прервет вызванный Боровиком патруль. В худшем... про него думать не хотелось. И тут начала действовать Файри.

Ее ладонь неожиданно схватила густую бороду и с силой дернула вниз. Вторая ладонь, оказавшаяся на затылке шахтера, добавила ускорения. Глухой стук, треск, что-то булькнуло. Женщина отпустила бородача, и тот медленно завалился назад, мелькнув кровавой маской лица со сломанным носом. Еще один стук, только от затылка, ударившегося об пол. Повисшее молчание. Изумленно выпученные глаза товарищей упавшего.

Медовая вскинула руку с матово блеснувшим черным стволом, и уперла его прямо в лоб стоявшего за спиной у Енота. Тиски на его запястье разжались, Енот вскочил, торопясь развернуться лицом к жарко дышащей стае позади.

Язычок пряжки кобуры никак не расстегивался. Медовая вела стволом из стороны в сторону, медленно отступая к стойке. Выход закрыт тесной толпой разом вставших горняков. Файри, поднимая руки в бойцовской стойке, внимательно следила за ними. Енот отступал следом, стараясь почувствовать спиной твердую поверхность стойки, чтобы хоть как-то обезопасить тыл и продержаться до появления стражи. То, что сейчас их будут стараться убить, стало ясно как божий день.

«Ну, зачем я сказал именно про этот салун?»

Время сжалось, чтобы тут же развернуться пружиной, свободной от любых замков, свистнуло в полете, как пуля из ствола и потекло так же, как песок в часах. Одновременно и молниеносно и медленно.

Бородатая толпа сдвигалась все плотнее. В мозолистых ладонях отломанные ножки стульев, с торчащими гвоздями, отбитые «розочками» горлышки бутылок, кустарного вида «блуды», с остро блестящими гранями лезвий. Им уже наплевать на то, что будет, потому что один из них лежит на полу, в луже собственной крови. Которую пролила вот эта наглая девка, с буферами, торчащими из выпендренной кожанки. И какая разница, что она с пацаном из патруля? Они хозяева города, его кормильцы и поильцы, и если не убьют, так покалечат за друга, с которым вместе дышали угольной и каменной пылью в забоях. С которым выпита не одна бутылка и оттрахано немало местных поблядушек. За него – нужно сейчас превратить эту троицу в кровавую квашню. Пистолеты? Да что там, ну одного, ну двух. А потом бутылки попадут стрелкам в головы, толпа навалится и все, там уже можно будет просто месить безвольные тела ногами. Хотя месить, наверное, они будут именно тощую нахалку с косичками и придурка в форме.

Сисястую девку толпа хочет забрать с собой. Попользовать где-нибудь в одном из темных переулков, а уж потом разобраться, забив ногой ту самую глиняную бутылку ей в...

Все это на лицах, перекошенных от невыпущенной злобы, накопившейся усталости и безумного страха, который так силен под землей. Все это в глазах, налившихся кровью, видевших то, как лежат изломанными чучелами тела тех, кто погиб в забоях, пока здесь такие вот малолетки патрульные трахают наглых баб в кожаных костюмах. Все это на языках и губах, сейчас орущих матюг за матюгом, подзадоривающих друг друга и заставляющих кого-то сделать первый шаг, наплевав на кусок свинца в стальной оболочке, который получит первый.

Енот смотрел на трех шахтеров, стоящих позади толпы, орущих громче всех, заставляя эту озверевшую толпу делать то, что сейчас должно произойти.

Всего три человека, командовавшие теми, кто уже не понимал, что сейчас начнется стрельба, и салуне будет пахнуть не только спиртом, табаком и кухней. Что в воздухе сначала завоняет сгоревшим порохом, а чуть позже терпким запахом крови. Толпе уже наплевать на это, а те трое, ее вожаки, умело подстегивали.

И еще он заметил побелевшие костяшки на пальцах Медовой, сейчас выставившей пистолет прямо перед собой и водящей им из стороны в сторону. Понял, что кинется вперед, стараясь загородить эту смешливую девчонку, чтобы она хотя бы попыталась убежать. И осознал, что она останется здесь, отстрелявшись до последнего патрона, пытаясь вбить маленький твердый кулачок в чье-то оскалившееся лицо с венником бороды. И наверняка будет потом лежать, неузнаваемая и превращенная в кровавую сломанную куклу.

Увидел, как расширяются глаза выскочившего в зал Боровика, держащего в руках дубинку. Следил, не понимая, зачем, за его взглядом.

Заметил, как на кончиках пальцев рук Файри, убранных ею за спину, вспыхивают горячие и дрожащие язычки пламени. А потом...

Откуда-то из-за спины послышался такой знакомый звук того металлического шуршания, которое издает чуть провисающая лента пулемета, когда ее достают из коробки. Слитный вздох толпы напротив и заметное движение бородачей, дружно делающих шаг назад. А сбоку, задевая его рукав, прямо на доску барной стойки, покрытую следами от кружек с пивом, царапинами от ножей и вилок, с содранным лаком, лег толстый наглый ствол, похожий на те, что торчат в башнях броневиков.

Со звоном вылетели стекла сбоку, где салун выходит в торец дома. И оттуда внутрь зала воткнулись автоматы, прижатые к плечам незнакомых людей, смотрящих внутрь злыми и внимательными глазами через матовое стекло забрал шлемов. И толпе почему-то сразу стало ясно, что тут ничего не поможет, и покروشат их в капусту также, как их собственные жены, вот только, на прошлой неделе орудовали сечками в корытах с той самой капустой.

А к затылку того вожака толпы, что стоял в середине, прижался холодный ствол пистолета и из-за его спины, в мгновенно возникшей тишине, раздался мерзкий и скребущий по душе, как голодная и злющая лесная кошка, голос:

– Файри, золотце, ты там как?

И, не дождавшись ответа, этот голос, похожий по воздействию на тот противный звук, который возникает, если провести чем-то твердым по стеклу, продолжает:

– А теперь быстро положили всю байду на пол, сели на колени и руки завели за головы, чудовища бородатые. Даю пять секунд. Время пошло...

Енот залпом опрокинул в себя семидесятиградусную настойку на анисе, выдохнул и перевел взгляд на того, что сидел напротив и ухмылялся. Также мерзко, как и говорил до этого.

Высокий и широкоплечий мужчина, в удобной броне, защищающей корпус, бедра и руки, и черном костюме, с большим количеством карманов, под ней. В странной конструкции из ремней, увешанных различным вооружением и снарягой. Поднявший на лоб вязаную шапку с прорезями для глаз и поставивший на стол небольшой круглый шлем.

Вытянутый нос с горбинкой и с заметным следом от перелома. Возможно, что и не одного. Холодные и внимательные серые глаза, гладко выбритое лицо, шрам от левого верхнего века и почти до подбородка. Мерлин, командир той самой группы чистильщиков, про которую Еноту уже довелось услышать. Возникший из ниоткуда и вовремя. В тот самый нужный момент и вместе со всеми остальными членами своего отряда, разогнавшими к чертям собачьим пьяную толпу. Мгновенно протрезвевшие шахтеры сразу же дрогнули, понимая, что эти парни плевать хотели на них всех, и им в головы бутылки не успеешь даже бросить.

Того самого главаря унесли трое его товарищей. Мерлин великодушно хотел его отпустить, предварительно дав лишь пару пинков. Но вмешался черноволосый парень, которого Медовая назвала Варягом, и жестоко измолотивший бородача. Для порядку, как он потом сказал, так как сильно бить пока не за что. Было бы действительно за что, так и убил бы. И Енот ни капли не сомневался в том, что именно так оно и вышло бы.

Они и остальные боевики чистильщиков сидели рядом, составив вместе два стола, и неторопливо ели фирменное блюдо Боровика: макароны в густом мясном соусе. Прибывшие все-таки на место стражники поворчали для порядку, но убрались, после того, как Мерлин предъявил разрешение на оружие, подписанное майором Грифом. И теперь группа сидела, торопливо насыщаясь перед тем, как выйти на улицы, в помощь патрулю и для наблюдения. То есть – основным заданием, пусть и вторым по времени исполнения, полученным от Капитана.

Первым было найти и проследить за безопасностью Файри, Медовой и его самого, Енота, собственной персоны. Опытный Кэп учел то, что вчера вечером увидел у ворот и к контейнеру, который весь день таскал молодой стражник, прикомандированный к отряду чистильщиков, прикрепили маячок. Знали ли про это обе девушки – Енот пока так и не понял. Ско-

рее всего, что да. Как он понял из разговора, весь спектакль Капитан спланировал заранее, решив наглядно продемонстрировать жителям города, что с отрядом лучше не связываться. Зачем? Наверное, для того, чтобы и сами жители, и, тем более, администрация, понимали, что чистильщики не те люди, в сторону которых можно сделать что-то не очень хорошее и надеяться на то, что ответа не будет. Скорее всего так... Да и не хотелось сейчас про это думать, если честно. Вместо этого, чуть ослотивший от адски крепкой анисовой парень механически ел и разглядывал тех, о ком успел наслушаться.

Пулеметчик Толстый, тот самый, что умудрился зайти через черный ход и выйти на толпу наперевес со своим большим штурмовым другом двенадцатого калибра. Высокий молодой парень, со светлыми волосами, исключительно доброй улыбкой и массивной, похожей на бочку фигурой. Сейчас он приканчивал уже вторую порцию макарон, уплетая их так, как будто никогда и ничего вкуснее в жизни не ел. Хотя, если судить по сдержанным насмешкам сидевшего рядом с ним, и нахально скалившегося, русоволосого хитрована, то так он ел постоянно.

Хитрован, как понял Енот, был тем самым Мусорщиком, который и вытащил этого крупного чистильщика, когда того кто-то крупно «подрал». И, глядя на него, Енот удивлялся двум вещам. Как этот, хоть и далеко не маленький, но сухой парень смог вытянуть тяжеленного пулеметчика? И неужели он, со своими чертями в глазах и как будто приклеенной, чуть злой, улыбкой – мог плакать?

Темнокожий великан, сидевший прямо напротив него, выглядел немного... нетипично для местных краев. Почему остальные называли его, то Чунгой, то Чангой, пока оставалось загадкой. Он говорил мало и в основном – добродушно и белозубо скалился каждой шутке Мусорщика. Рядом с ним сидел рыжий и подвижный плотный мужчина за тридцать, Кот. Почему именно так – Енот понял не сразу. Но тут, в ответ на какую-то шутку, чистильщик улыбнулся. Нет, не совсем верно: Кот взял и расплылся в самой, что ни на есть, настоящей кошачьей улыбке. По курносому носу разбежались морщинки, подбородок вытянулся вперед, щеки подтянулись вверх. Учитывая короткие и задорно топорщащиеся усики – вылитый котяра, наглый дворовый бандит.

Волк, еще один из этой команды, явно родом откуда-то с границы Степи и Камня. Чуть раскосые глаза, смуглая кожа и черные волосы, заплетенные в тугую косу, убранныю в кожаный чехол на затылке. Он вообще ничего не говорил, спокойно и неторопливо поедая то, что стояло перед ним в тарелке. За него болтал длинный и страшно худой тип, которого всего называли Ферзем. Взъерошенный, носатый, с крупными лошадиными зубами, тип, спокойно парирующий все колкости Мусорщика.

И еще тот самый Варяг, почему-то, несмотря на то, что был ни капли не похож на командира группы, казался его братом. Или двойником, схожим и поведением, и речью, и даже тем, как двигался. Среднего роста, крепкий черноволосый парень лет тоже так немного за тридцать. Спокойный как танк и ласково улыбающийся Файри, подсевшей поближе к нему.

Вот такими Енот в первый раз увидел тех, кто должен заняться тем, чтобы полностью обезопасить его родной город от ночного кошмара. Чуть позже в салун зашел молодой белобрысый крепыш в замасленном комбинезоне, и оказавшийся тем самым механиком-водителем Жуком, которого с утра отправился спасать от гнева командира Ган. Как оказалось, именно он привез в город всю группу на отремонтированном разведывательном «скауте». А то, что сейчас он должен забрать в лагерь всю их троицу, порадовало начавшего клевать носом Енота еще больше.

– Эй, парень! – Мерлин помахал у него перед лицом ладонью, затянутой в перчатку с обрезанными пальцами. – Не спать, слышишь, тебе еще в лагерь ехать. Ты мне вот что скажи... Енот?

– Да, Мерлин. – Енот помотал головой, приходя в себя. Не заметил, как чуть не провалился в сон. Мелькнула мысль о том, что теперь то точно выглядит в глазах женщин из отряда

полным балдой, но накатила лень совершенно расхотелось всерьез об этом задумываться. Так что он просто отмахнулся от ненужной мысли. – Спрашивайте.

– Нам лучше идти в Старый город, или пройтись по самым окраинам сегодня ночью?

– Лучше в старый, ага. Последнее время все именно там происходит.

– Спасибо. Э-э-э, брат, да тебя совсем рубит уже. Медовая, помоги воину, ладно? Пере-нервничал, видать. Ничего, солдат, такое бывает, особенно, когда в первый раз. Это мы со временем исправим. Варяг за тебя возьмется...да, Варяжище?

Черноволосый оторвался от какого-то шепота на ухо красавице в коже и утвердительно мотнул головой.

«Про что это он вообще? – подумалось Еноту. – Когда они за меня возьмутся-то?».

– Файри... – Мерлин повернулся к женщине. – Парняга завтра пойдет с нами в ночь, так будь добра, проследи, чтобы выпался. О-кей?

– Конечно, ваша волшебность, о чем речь. – Она улыбнулась, мягкой и кажущейся извиняющейся улыбкой. – Да, пора нам. Жук, ты там как, поел? Прекрасно, тогда поехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.